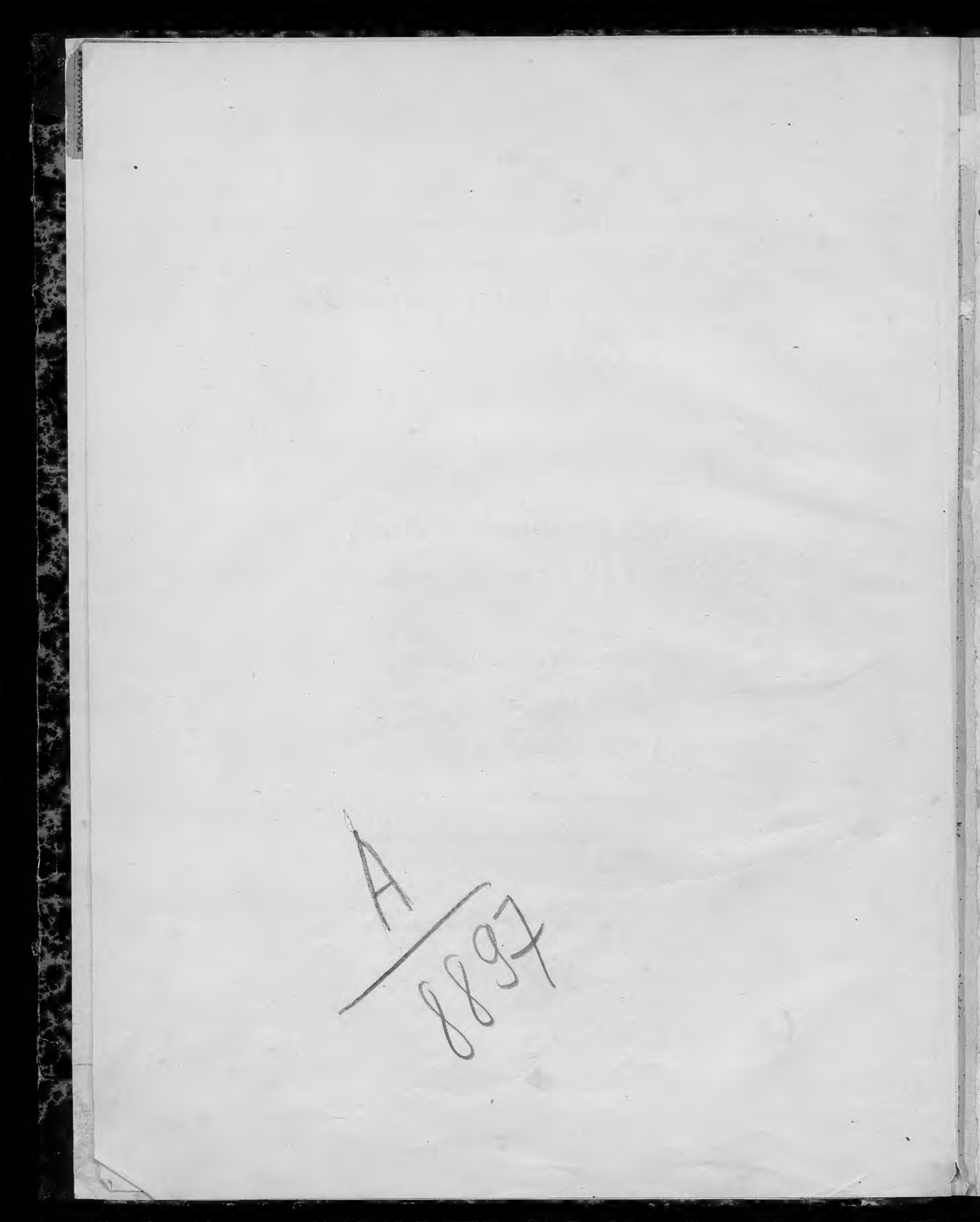
Орнатскій Н. 2242

О внѣшнихъ отличи-тельныхъ знакахъ Верхов-ной власти..

A
8897

О внѣшнихъ отличительныхъ знакахъ Верховной Власти, и торжественномъ облеченіи ими Государей при началѣ царствованія.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ,

НАПИСАННОЕ ПО СЛУЧАЮ ТОРЖЕСТВА

СВЯЩЕННАГО МѴРОПОМАЗАНІЯ И КОРОНОВАНІЯ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА II

И

АВГУСТѢЙШЕЙ СУПРУГИ ЕГО

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ,

ОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ ЭНЦИКЛОПЕДІИ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ

И РОССІЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗАКОНОВЪ,

ДОКТОРОМЪ ПРАВЪ,

Сергіемъ Орнатскимъ.

Въ торжественномъ собраніи одного изъ высшихъ ученыхъ сословій въ Россійской имперіи, къ которому подало поводъ величественное и многознаменательное для нашего Отечества событіе, совершившееся нынѣ въ древней столицѣ Царей Русскихъ, я не нахожу предмета, болѣе приличнаго занять вниманіе Ваше, Почтеннѣйшіе Посѣтители! какъ то высокое и священное дѣйствіе, которое привлекло въ этотъ первопрестольный городъ Русскаго Царства и Августѣйшихъ Членовъ Всероссійскаго Императорскаго Дома, и высшихъ сановниковъ государственнаго управленія, вмѣстѣ съ цѣлыми Правительственными сословіями, изъ нашей сѣверной столицы, и отличенныхъ своимъ общественнымъ положеніемъ и своими заслугами представителей народныхъ сословій изъ многочисленныхъ странъ обширнаго Русскаго государства, и знаменитыхъ своею породою и достоинствомъ представителей разныхъ Государей и государствъ Европы и другихъ частей Свѣта. Но, какъ значеніе всякаго событія, и однократно совершающагося въ исторіи какого-либо народа, и, тѣмъ болѣе, повторяющагося многократно въ извѣстныя эпохи бытія государствъ, не можетъ быть вполнѣ постигнуто безъ изслѣдованія первыхъ его началъ: то и для объясненія всей важности священнаго коронованія и мvропомазанія Государей, совершающагося въ нашемъ Отечествѣ при началѣ каждаго новаго царствованія, я считаю необходимымъ прежде всего коснуться, сколько то дозволитъ кратковременность на-

стоящей бесѣды, самыхъ первыхъ началъ употребленія внѣшнихъ отличительныхъ знаковъ Верховной Власти и торжественнаго облеченія ими Государей, какія могутъ быть усмотрѣны во всемірной Исторіи народовъ, и указавъ на постепенное распространеніе этого торжественнаго обряда въ разныхъ государствахъ древняго и новаго міра, за тѣмъ уже перейти къ объясненію первоначальнаго введенія его въ наше Отечество, и утвержденія въ немъ чрезъ постоянное совершеніе его въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ существовало болѣе или менѣе ясное сознаніе необходимости, отличить лице, облеченное высшею, правительственною властію въ человѣческомъ обществѣ, особыми внѣшними знаками, состоящими частію въ извѣстныхъ принадлежностяхъ одежды, частію же въ другихъ вещахъ, или присвоенныхъ ему въ исключительное употребленіе, или, по крайней мѣрѣ, только въ его употребленіи получающихъ то особое знаменованіе, котораго они не имѣютъ въ обыкновенномъ и повседневномъ употребленіи другихъ членовъ общества.

Такъ, уже въ самомъ простомъ, патріархальномъ бытѣ отдаленнѣйшей древности, глава семейства и рода употребляетъ жезлъ, гривну и перстень, какъ отличительные знаки своей власти. Быт. XXXVIII. 18, 25. Ср. Евр. XI. 21. Ежели изъ этихъ временъ, отъ которыхъ отдѣляютъ насъ цѣлыя тысячелѣтія, перенесемся въ современный намъ бытъ другихъ людей, стоящихъ на самой нисшей ступени человѣчества и называемыхъ дикими, — и здѣсь найдемъ жезлъ, или въ самомъ простомъ и безъискуственномъ его видѣ, или съ нѣкоторыми украшеніями, или въ видѣ воинскаго орудія, употребляемый какъ знакъ власти наслѣдственнаго или избирательнаго начальника ихъ общественныхъ союзовъ. По отдѣленіи, въ болѣе обширныхъ, развитыхъ и

благоустроенныхъ человѣческихъ обществахъ, разныхъ правительственныхъ дѣйствій, соединявшихся прежде въ лицѣ одного и того же высшаго правителя, и распредѣленіи ихъ между разными властями, подчиненными одной верховной общественной власти, мы видимъ разнообразные жезлы, опять какъ отличительные знаки извѣстнаго вида и извѣстной степени власти и достоинства, съ одной стороны, въ рукахъ высшихъ служителей Вѣры и пастыреначальниковъ Церкви, а съ другой, въ рукахъ главныхъ военачальниковъ. А между тѣмъ, жезлъ верховнаго правителя, устроеннаго такимъ образомъ человѣческаго общества, принимаетъ и особый, соотвѣтственный высшему его значенію, внѣшній видъ, и особое названіе державнаго или правительственнаго скипетра. Въ той части стараго свѣта, которая, и по общему свидѣтельству древнихъ бытописателей, и по единогласному признанію позднѣйшихъ изслѣдователей всемірныхъ событій, считается колыбелію рода человѣческаго и мѣстомъ образованія первыхъ общественныхъ союзовъ, и гдѣ, между прочими видами этихъ союзовъ, мы усматриваемъ и первыя, достовѣрно извѣстныя по исторіи, обширныя и могущественныя государства, управляемыя съ особымъ, свойственнымъ тому времени, и тѣмъ народамъ и странамъ, самовластіемъ, этотъ правительственный жезлъ или скипетръ въ рукахъ Царя имѣетъ уже такую силу, что отъ одного мановенія его зависитъ жизнь или смерть не только низшихъ его подданныхъ, но и самыхъ приближенныхъ, или по естеству близкихъ къ нему лицъ, не исключая изъ числа ихъ даже тѣхъ, которыя раздѣляютъ съ нимъ внѣшнія почести царскаго сана. Есѳ. IV. 11. V. 2. Впрочемъ, и въ государствахъ меньшаго объема, и гдѣ Царская власть не ознаменовывала себя столь поразительными явленіями силы, скипетръ составлялъ такой важный знакъ верховной власти, который даже въ рукахъ не самаго Царя, а другаго лица, дѣйствовавшаго его именемъ, придавалъ его распоряженіямъ

особую дѣйствительность.[1] Само собою разумѣется, что, въ соотвѣтственность съ такимъ особеннымъ значеніемъ и дѣйствіемъ, Царскій скипетръ долженъ былъ отличаться отъ прочихъ жезловъ самымъ внѣшнимъ, ему исключительно присвоеннымъ видомъ, равно какъ веществомъ, изъ котораго онъ сдѣланъ.

И дѣйствительно, одни изъ древнихъ царей употребляли скипетры золотые, другіе — сдѣланные изъ слоновой кости; нѣкоторые изъ чернаго дерева; у иныхъ хотя скипетры сдѣланы изъ вещества менѣе дорогаго, или рѣдкаго, однакожъ покрыты украшеніями или изъ того же благороднѣйшаго, или изъ другаго металла, съ присовокупленіемъ къ нимъ иногда драгоцѣнныхъ камней.[2] Для удобнѣйшаго обращенія и направленія въ разныя стороны, въ качествѣ повелительныхъ и указательныхъ орудій, Царскіе скипетры большею частію имѣли размѣры, уменьшенные въ длинѣ, въ сравненіи съ общеупотребительными жезлами. Обыкновенно на верхнемъ ихъ концѣ, а иногда, сверхъ того, и на нижнемъ, помѣщаются изваянныя фигуры цвѣтовъ, плодовъ, птицъ или другихъ животныхъ, которымъ усвоется какое либо символическое значеніе, и между которыми преимуществуетъ изображеніе орла, царя пернатыхъ и одного изъ символическихъ знаковъ верховной власти самаго царя языческихъ боговъ, Зевса-громовержца, котораго перуны орелъ держитъ въ своихъ когтяхъ[3]; такъ какъ это-

---

[1] Гомеровой Илліады пѣснь II. стихи 182 — 210.

[2] Ср. привед. мѣста изъ кн. Есѳирь и изъ Иліады, и сверхъ того, въ послѣдней пѣснь I. ст. 15, 246. Ксенофонт. Киропедіи кн. VIII. гл. 7. Римскихъ Древностей (*Ῥωμαϊκῆς Ἀρχαιολογίας*) Діонисія Галикарнасскаго, кн. III. гл. 61.

[3] *Διὸς αἴσιος ὄρνις Ζηνὸς που τόδε σῆμα*, у Ѳеокрита: *ζῶον βασιλικὸν*, у Схоліаста на Эсхиловы творенія. Ср. Isidori, Hispal. Episc., Originum s. Etymologiarum, l. XVIII. c. 3.

му верховному божеству языческаго міра приписывается и врученіе скипетра царямъ, — очевидно, для выраженія того, всѣмъ народамъ древнихъ, равно какъ и послѣдующихъ временъ, общаго убѣжденія, что Царская власть происходитъ отъ Бога. [1] Составляя такимъ образомъ своего рода драгоцѣнность, и имѣя особое значеніе правительственнаго или державнаго жезла, скипетры, вмѣстѣ съ другими знаками Царскаго достоинства, передавались отъ прежде царствовавшихъ Государей преемникамъ ихъ власти, и переходили наслѣдственно изъ рода въ родъ.[2] Таково качество и значеніе скипетровъ, съ которыми являются въ Гомеровой Иліадѣ Греческіе цари, вожди силъ, собранныхъ подъ стѣнами Трои, для ея разрушенія, и особенно, первый между ними, вождь самихъ царей, Агамемнонъ. [3] Равнымъ образомъ, въ Виргиліевой Энеидѣ мы находимъ скипетры въ числѣ тѣхъ отличительныхъ знаковъ достоинства Троянскихъ Царей, которые, бывъ исхищены изъ развалинъ пылающей Трои, поднесены Энеемъ въ даръ Царицѣ Карѳагена, а потомъ, Царю Авзоніи или Лаціума, Латину; а также видимъ ихъ въ употребленіи у древнѣйшихъ Царей разныхъ Италійскихъ народовъ.[4] Хотя же ни первый основатель Римскаго государства, ни ближайшіе преемники Царской его власти

---

[1] Иліады, пѣснь II. ст. 204 — 206:

Οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη· εἷς κοίρανος ἔςω,
Εἷς βασιλεὺς ᾧ ἔδωκε Κρόνου παῖς ἀγκυλομήτεω
Σκῆπτρόν τ' ἠδὲ θέμιςας, ἵνα σφίσιν εμβασιλέυη.

[2] *Σκῆπτρον πωτρῶϊον*, Иліады п. II. ст. 46, 186.

[3] Ср. привед. мѣста Иліады, и сверхъ того: I. 279. X. 321, и др.

[4] Virgil. Aeneid. lib. I. v. 647 — 655, VII. 173, 247, 252. XI. 238. XII. 206; и др.

не употребляли скипетра: [1] однакожъ, нѣсколько времени спустя, вмѣстѣ съ другими отличительными знаками царскаго достоинства, и скипетръ вошелъ въ употребленіе въ Римѣ при Тарквиніѣ старшемъ, которому принесли эти знаки въ даръ побѣжденные имъ жители разныхъ городовъ Этруріи, гдѣ подобные знаки верховной власти издавна были въ употребленіи, и который, испросивъ на то предварительно согласіе Сената и народа, употреблялъ за тѣмъ эти знаки постоянно до своей смерти, равно какъ и послѣ него, другіе Цари, преемники его престола. [2] Не входя за тѣмъ въ особенное объясненіе употребленія скипетра Царями разныхъ другихъ древнихъ народовъ, и, по ихъ примѣру, даже нѣкоторыми властителями, не носившими Царскаго титула, можно вообще сказать, что во всѣхъ древнихъ государствахъ, и притомъ почти всегда съ самыхъ первыхъ временъ образованія ихъ, скипетръ составлялъ непремѣнный и неотъемлемый символъ Царскаго достоинства; и обычай употребленія Царями скипетровъ пріобрѣлъ такую всеобщность, что самыя названія Царей и Скиптродержцевъ сдѣлались словами однозначащими, и что слово «скипетръ» какъ у свѣтскихъ авторовъ, такъ и въ книгахъ Священнаго Писанія, обыкновенно и весьма

---

[1] Что Ромулъ, соединяя въ своемъ лицѣ, подобно Царямъ другихъ древнихъ народовъ, достоинство верховнаго жреца съ прочими преимуществами верховной власти, носилъ жезлъ Авгурскій: на это указываетъ выраженіе: «Quirinalis lituus, въ 187 стихѣ VII кн. Энеиды.

[2] Обстоятельныя извѣстія объ этомъ находятся у Діонисія Галикарнасскаго, въ привед. выше 61 главѣ III книги его Римскихъ Древностей, гдѣ между прочимъ сказано: *ϑεροντες... σύμβολα τῆς ἡγεμονίας, οἷς ἐκόσμουν αὐτοὶ τοὺς σφετέρους βασιλεῖς, κομίζοντες ςέϑανόν τε χρύσεον καὶ ϑρόνον ἐλεϑάντινον, καὶ σκῆπτρον ἀετὸν ἔχον ἐπὶ τῆς κεϑαλῆς, χιτῶνά τε πορϑυροῦν χρυσόσημον, καὶ περιβόλαιον πορϑυροῦν ποικίλον, οἷα Λυδῶν τε καὶ Περσῶν ἐφόρουν οἱ βασιλεῖς....* и пр.

часто означаетъ и Царскую власть, и ея дѣйствіе — вообще, верховное правленіе государствомъ, или въ особенности, отправленіе правосудія, и тому подобное, а также самое царство, или область государственную.[1] Изъ древнихъ государствъ обычай употребленія Государями скипетра перешелъ въ новыя чрезъ посредство Восточной Римской Имперіи, гдѣ, — послѣ того, какъ уже нѣкоторые языческіе Императоры древняго Рима начали мало по малу возобновлять употребленіе царскихъ знаковъ, прекратившееся тамъ вмѣстѣ съ отмѣною древняго Царскаго правленія, и конечно бывшее не совмѣстнымъ со введеннымъ въ то время новымъ устройствомъ правительственныхъ властей, — Христіанскіе Императоры придали этому знаку верховной власти новое освященіе, замѣнивъ помѣщавшееся на немъ дотолѣ изображеніе орла крестомъ, какъ священнѣйшимъ и побѣдоноснымъ знаменіемъ Царей и царствъ Христіанскихъ. Скипетръ, осѣненный крестомъ, символомъ любви и спасенія, сталъ уже не только орудіемъ страха, но орудіемъ любви и милосердія.

Другой, и притомъ важнѣйшій изъ всѣхъ внѣшнихъ знаковъ, которыми отличается отъ своихъ подданныхъ лице, облеченное верховною властію въ государствѣ, есть величественное и блистатель-

---

[1] Ср. слова и выраженія: *σκηπτοῦχοι* въ Гомер. Иліадѣ I. 279; *ἐπὶ σκήπτροις ἔχων τὴν ἐλπίδα*, въ Орестѣ, Еврипида; *τὸ χρυσοῦν σκῆπτρον τὸ τὴν βασιλείαν διασῶζον*, въ Ксеноф. Кироп. кн. VIII. гл. 7; Sic nos in sceptra reponis?—въ Виргил. Енеидѣ, кн. I. ст. 253; i. e. restituis in regna, quae amisimus: Servii comment. in Virgil. Aeneid. ad h. vers. и мн. др. Жезлъ правости, жезлъ царствія, въ псалмахъ Давидовыхъ XLIV. 7. Жезлъ крѣпости, въ книгѣ Прор. Іезекіиля XIX. 11 — 14; и т. д. Другое, отличное отъ изъясненнаго здѣсь, значеніе имѣетъ слово *σκηπτοῦχος* въ Ксеноф. Кироп. кн. VIII. гл. 3, гдѣ оно относится къ ближайшимъ слугамъ Царя и исполнителямъ его повелѣній.

ное украшеніе, возлагаемое на главу Царя, — какъ на благородное вмѣстилище духовной силы, возвышающей человѣка, какъ царя, надъ всѣми другими существами видимаго міра, освѣщающей мыслію, какъ лучемъ Божественнаго свѣта, всякое доброе его начинаніе и дѣйствіе, словомъ, его разума, — силы божественнѣйшей, какъ сказалъ одинъ изъ величайшихъ мудрецовъ древности, и правительствующей надъ всѣмъ существомъ человѣка [1]. Это внѣшнее отличіе верховной власти есть Царскій вѣнецъ или корона. Всѣмъ вообще людямъ прирождено сознаніе необходимости, отличить особеннымъ внѣшнимъ знакомъ голову того, кто по справедливости называется высшею или верховною главою всякаго человѣческаго общества, образуя собою живительную его силу и разумную душу, — кто олицетворяетъ собою идею единства въ этой совокупности множества недѣлимыхъ членовъ общественнаго союза или соединенія людей въ одно цѣлое, — кто направляетъ разнообразную дѣятельность отдѣльныхъ членовъ общества къ одной высшей цѣли, и безъ кого это стройное, гармоническое цѣлое обратилось бы въ безобразный, нестройный хаосъ силъ, взаимно стремящихся уничтожить одна другую. Даже начальники дикихъ племенъ отличаются отъ прочихъ особымъ уборомъ волосъ на головѣ, представляющимъ слабое и отдаленное подобіе вѣнца. Впрочемъ и въ древнихъ человѣческихъ обществахъ наиболѣе образованныхъ, этотъ знакъ Царскаго достоинства много различался отъ нынѣ употребительныхъ вѣнцевъ или коронъ. Въ большей части древнихъ государствъ, мѣсто нынѣшнихъ Царскихъ вѣнцевъ занимали діадимы, или головныя повязки: дорогая ткань и пріятная краска служили имъ внѣшнимъ отличіемъ. Вскорѣ вошло въ обычай, украшать діадимы золотомъ, а въ слѣдъ за тѣмъ и — драгоцѣнными камнями. Часто, золото составляло не украшеніе, а главный

---

[1] *Θειότατον καὶ τῶν ἐν ἡμῖν πάντων δεσποτοῦν.* Платонъ, въ Тимеѣ.

и почти единственный матеріалъ, изъ котораго дѣлались діадимы; присоединялись украшенія изъ жемчуга и дорогихъ камней. Чтобы уподобить царскія діадимы солнцу, начали къ прежней повязкѣ присовокуплять остроконечные зубцы или лучи, болѣе или менѣе продолговатые. Между тѣмъ какъ, при томъ и другомъ внѣшнемъ видѣ діадимы, верхняя часть головы оставалась обыкновенно открытою: нѣкоторые изъ древнихъ Персидскихъ Царей, а потомъ и Государи разныхъ другихъ странъ Азіи, и отчасти — Африки, носили такой головной уборъ, который, составляясь изъ соединенія діадимы, частію простой, частію лучистой, съ тіарою, митрою, или кидаромъ, закрывалъ собою голову, и возвышался надъ нею или въ полусферической формѣ, болѣе или менѣе продолженной и съуженной къ верху, или въ видѣ конуса, только не правильнаго и не полнаго, а сведеннаго къ верху тупымъ угломъ, или же усѣченнаго и оканчившагося продолговатыми зубцами, сходными съ лучами діадимы.

Изъ Римскихъ Императоровъ первый Юлій Цесарь постоянно, хотя скрытно, устремлялъ свои виды къ Царскому вѣнцу, какъ высшему и самому величественому украшенію Государей. Впрочемъ, разнорѣчіе древнихъ историковъ и несогласіе новѣйшихъ изслѣдователей древности дѣлаетъ весьма затруднительнымъ опредѣлительное рѣшеніе вопроса: который изъ Императоровъ началъ употреблять діадиму, какъ отличительный знакъ своей верховной власти. Болѣе опредѣленныя свидѣтельства указываютъ на Авреліана и разныхъ слѣдующихъ за нимъ Императоровъ. Что касается до изображеній на медаляхъ, монетахъ и другихъ, дошедшихъ до насъ, памятникахъ древности: то въ нихъ усматриваются діадимы, сдѣланныя частію изъ одного жемчуга, частію изъ золота съ драгоцѣнными камнями, частію же изъ соединенія всѣхъ этихъ матеріаловъ, а по формѣ своей, однѣ, имѣющія видъ простой повязки, другія же лучистыя; но тѣ и другія пре-

имущественно—на головахъ Императоровъ, правившихъ цѣлымъ государствомъ, или нѣкоторыми его частями, уже съ половины третьяго столѣтія по Р. Хр. Между тѣмъ и здѣсь, съ одной стороны, встрѣчаемъ такое разнообразіе, что одни и тѣ же Императоры представляются то въ діадимѣ одного, то другаго рода, какъ по матеріи, такъ и по формѣ, то въ лавровомъ вѣнкѣ, то безъ всякаго головнаго покрова, или украшенія, то съ шлемомъ на головѣ, а иногда съ покрываломъ на ней, похожимъ на обыкновенное женское; при чемъ на покрывалѣ виденъ иногда лавровый вѣнокъ, а на шлемѣ, или такой же вѣнокъ, или жемчужная діадима. Съ другой стороны, и такіе изъ числа предшествовавшихъ означенныхъ здѣсь Императоровъ, о которыхъ по исторіи вовсе не видно, чтобъ они носили діадиму, и даже нѣкоторыя лица, не бывшія ни Императорами, ни Цесарями, хотя принадлежавшія къ семейству Императоровъ, и могшія быть преемниками ихъ власти, если бы тому не воспрепятствовала преждевременная ихъ смерть, изображаются иногда на медаляхъ и монетахъ съ лучистою діадимою на головѣ.[1] За такимъ разнообразіемъ и историческихъ свидѣтельствъ, и указаній заимствуемыхъ изъ разныхъ памятниковъ древности, а также выводовъ, сдѣланныхъ, по сооб-

[1] См. *Caroli Du Fresne, d-ni Du Cange*, de Imperatorum Constantinopolitanorum.... numismatibus, dissert., въ 3-мъ томѣ его Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis. Lut. Par. 1678 fol. Historia Byzantina duplici commentario illustrata; prior familias ac stemmata Imperatorum Constantinopolitanorum.... complectitur.... auctore *Carolo du Fresne, d-no du Cange*. Lutet. Paris. 1680 fol. *Anselmi Banduri*, Numismata Imperatorum Romanorum a Trajano Decio ad Paleologos Augustos, etc. Lutet. Paris. 1718. tom. I. et II. fol. *Ezech. Spanhemii*, dissertationes de praestantia et usu numismatum antiquorum. Ed. nova. Lond. 1717. tom. I. et II.. fol. *I. Malliot*, Recherches sur les costumes, les moeurs, les usages religieux, civiles et militaires des anciens peuples, d'après les auteurs célebres et les monuments antiques et c. A Paris. 1809. tom. 1. 4-to.

раженію тѣхъ и другихъ, позднѣйшими писателями, касавшимися этого предмета,[1] остается ограничиться общимъ заключеніемъ, что обычай употребленія діадимы, какъ отличительнаго знака верховной власти, началъ утверждаться въ Римской Имперіи около половины третьяго столѣтія, и ни въ какомъ случаѣ не позже царствованія Имп. Авреліана, а со временъ И. Константина Великаго сдѣлался постояннымъ и неизмѣннымъ.[2] Что касается до формы діадимъ и ихъ матеріи: то хотя на нѣкоторыхъ, впрочемъ весьма немногихъ, медаляхъ Константина В. и ближайшихъ его преемниковъ, видна еще лучистая діадима, однакожъ, безъ сомнѣнія, по Христіанскому смиренію какъ этихъ, такъ и послѣдующихъ Императоровъ, она вскорѣ вовсе выходитъ изъ употребленія, замѣняясь діадимою, имѣющею видъ простой повязки, и сдѣланною изъ жемчуга, или украшенною драгоцѣнными камнями. Въ дальнѣйшее за тѣмъ время, съ діадимою почти всегда соединяется тіара.

---

[1] На прим., *Alexandri ab Alexandro*, Genialium dierum libri sex. Lugd. Batav. 1673. 8. tom. 1. *Caroli Paschalii*, Coronae. Lugd. Batav. 1601. 8. *Mart. Schmeizel*, Comment. histor. de coronis etc. Ienae. 1713. 4-to. И др.

[2] С. Авр. Викторъ, въ XXXV главѣ соч. De vita et mor. Imper. Roman. говоритъ объ Авреліанѣ: Iste primus apud Romanos diadema capiti innexuit, gemmisque et aurata omni veste, quod adhuc incognitum Romanis moribus videbatur, usus est; а въ XLI главѣ о Константинѣ В:.... Habitum regium gemmis et caput exornans perpetuo diademate. Между тѣмъ уже Діоклеціанъ, избравъ для своего постояннаго пребыванія одинъ изъ городовъ Малой Азіи, Никомидію, и введши при своемъ дворѣ всѣ обряды внѣшняго великолѣпія, окружавшаго могущественнѣйшихъ изъ прежнихъ Азіатскихъ Государей, вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ и Царскую діадиму для всегдашняго употребленія. Въ приведенныхъ же выше нумизматическихъ сочиненіяхъ не видно почти ни одного Императора, со временъ Траяна Деція, носившаго это званіе съ 249 до 251 года, который бы не былъ изображенъ, на нѣсколькихъ медаляхъ или монетахъ, или покрайней мѣрѣ на одной изъ нихъ, съ лучистою діадимою на головѣ.

чтобы сообщить и этому важнѣйшему украшенію Царскаго сана высшее освященіе, заимствованное отъ Божественной Христіанской Религіи, преемники Константина Великаго начали присовокуплять къ прежнимъ составнымъ частямъ его крестъ, который помѣщался или надъ переднею, лицевою стороною діадимы; что и не могло быть иначе въ томъ случаѣ, когда съ діадимою не соединились тіара [1], или же на самой вершинѣ тіары, возвышаясь въ этомъ случаѣ надъ срединою головы, и осѣняя собою царскій вѣнецъ, составленный изъ сложенія діадимы съ тіарою [2]. Впрочемъ иногда и при соединеніи тіары съ діадимою крестъ утверждался въ передней или лицевой ея части. Кто первый изъ Императоровъ водрузилъ изображеніе креста на своей діадимѣ или тіарѣ, за недостаткомъ историческихъ свидѣтельствъ опредѣлить не возможно; на древнихъ же медаляхъ и монетахъ, въ первый разъ видимъ это изображеніе у знаменитаго своими законодательными трудами И. Юстиніана, и притомъ въ обоихъ описанныхъ положеніяхъ: на передней сторонѣ діадимы, надъ челомъ и лицемъ, въ одной медали, и на тіарѣ, надъ вершиною головы, въ другой. Но что Юстиніанъ далеко не первый изъ Императоровъ началъ украшать свою діадиму и тіару крестомъ: это должно заключать изъ изображенія, на другихъ медаляхъ, Императрицъ: Эліи Евдокіи, супруги И. Θеодосія Младшаго съ 414 года по Р. Х., и Лициніи Евдокіи, супруги Плацидія Валентиніана III, съ крестомъ надъ лучистыми діадимами, украшающими ихъ головы; такъ какъ нѣтъ основанія допускать, чтобы супруги Императоровъ начали прежде ихъ

---

[1] См. въ рисункахъ, у Дюканжа, и Бандури, нѣкоторыя изображенія Имп. Юстиніана, Фоки, Ираклія.

[2] Это можно видѣть въ нѣкоторыхъ изображеніяхъ Императоровъ, царствовавшихъ въ VI столѣтіи, чаще въ VII, и въ самой большей части изображеній, начиная съ VIII столѣтія, до конца Имперіи.

самихъ присоединять крестъ къ своей діадимѣ, а скорѣе можно предполагать противное. Если, сверхъ этого, примемъ въ соображеніе еще то обстоятельство, что уже съ самыхъ временъ Константина В., частію крестъ, частію же монограмма имени Іисуса Христа, усматриваются то на шлемѣ Императора (самаго Константина), то на военныхъ знаменахъ или хоругвяхъ, держимыхъ или самими Императорами, или воинами, изображенными на оборотахъ ихъ медалей, то въ рукахъ Императоровъ, или на щитахъ, держимыхъ ихъ рукою, и такъ далѣе: то можемъ съ вѣроятностію отнести начало украшенія крестомъ Императорскихъ діадимъ или коронъ къ тому же вѣку (IV-му по Р. Хр.), въ которомъ Христіанская Вѣра явно, и въ лицѣ самихъ Императоровъ, восторжествовала надъ язычествомъ. Наконецъ въ числѣ составныхъ частей Императорскихъ вѣнцевъ можно замѣтить небольшой цѣлый шаръ, или же полушаріе, на которомъ утверждался иногда осѣняющій ихъ крестъ; такъ какъ и въ діадимахъ, украшенныхъ этимъ Христіанскимъ знаменіемъ, подъ нимъ изображалось иногда подобіе шара, сдѣланное изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней.

Впрочемъ, независимо отъ этого помѣщенія въ діадимѣ или надъ тіарою, подъ крестомъ, шаръ занимаетъ несравненно болѣе видное мѣсто въ числѣ внѣшнихъ принадлежностей царскаго достоинства, и имѣетъ гораздо важнѣйшее значеніе, какъ особый самостоятельный знакъ верховной власти. Изъ числа древнихъ Государей, этотъ знакъ обыкновенно усвояется однимъ Римскимъ Императорамъ; — хотя, сколько можно судить по нѣкоторымъ указаніямъ позднѣйшихъ временъ, онъ могъ быть употребляемъ, въ числѣ другихъ знаковъ верховной власти, уже древними Персидскими Царями.[1] Во всякомъ случаѣ, первоначальное зна-

---

[1] Исидоръ, Еписк. Испалійскій, въ привед. выше соч., въ той же 3-й главѣ 18-й книги, относитъ первое употребленіе шара, какъ знака верховной

ченіе его, какъ символа владычества надъ цѣлымъ свѣтомъ, или земнымъ шаромъ (orbis terrarum), приличествуетъ Римскимъ Императорамъ болѣе, нежели какимъ либо другимъ Государямъ древняго міра; такъ какъ и въ надписяхъ на медаляхъ и другихъ изображеніяхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ читаются выраженія: Rector orbis; или, Dominus mundi; — хотя во всѣхъ этихъ словахъ видно болѣе гордости и надменности такъ называемыхъ повелителей цѣлаго свѣта, нежели дѣйствительной правды и положительной точности. Августу приписывается и первое распоряженіе о томъ, чтобы шаръ, какъ знакъ обладанія надъ цѣлымъ свѣтомъ, былъ помѣщаемъ на монетахъ, въ числѣ другихъ символовъ Императорской власти; и дѣйствительно онъ усматривается уже въ изображеніяхъ нѣкоторыхъ Императоровъ I и II столѣтія по Р. Хр., — хотя чаще видимъ его въ рукахъ Императоровъ, владычествовавшихъ во 2-й половинѣ третьяго столѣтія, и въ дальнѣйшее за тѣмъ время. Часто на этомъ шарѣ помѣщается статуя Побѣды, въ видѣ крылатой женщины, обращенной лицемъ къ Императору, и простирающей къ нему обѣ руки съ держимымъ въ нихъ лавровымъ вѣнкомъ, или только одну, тогда какъ въ другой она держитъ пальмовую вѣтвь. При одномъ изъ первыхъ Христіанскихъ Императоровъ, и на этомъ символѣ верховной власти водруженъ побѣдоносный Крестъ, въ замѣнъ языческаго изображенія Викторіи; но кому принадлежитъ первое о томъ распоряженіе, на то историческихъ свидѣтельствъ также не встрѣчается; а если судить по однимъ изображеніямъ на медаляхъ, то первый изъ Императоровъ, на оборотѣ одной медали котораго видѣнъ

власти, къ Августу Цесарю: pilam in signo (по друг. чтенію: in signa) constituisse fertur Augustus, propter nationes sibi in cuncto orbe subjectas, ut magis figuram orbis ostenderet. Но въ описаніи нѣкоторыхъ путешествій по Азіи, предпринятыхъ въ XVII столѣтіи, упоминается о видѣнныхъ путешественниками въ развалинахъ Персеполя изображеніяхъ древнихъ Персидскихъ Царей съ скипетромъ въ одной, и шаромъ въ другой рукѣ.

воинъ, держащій въ рукѣ шаръ съ поставленнымъ на верху его крестомъ, есть Феодосій Великій, ознаменовавшій свое царствованіе, сверхъ другихъ, полезныхъ Христіанской Церкви и государству подвиговъ, устраненіемъ многихъ, существовавшихъ еще до того времени, предметовъ идолопоклонства. [1] Впрочемъ, и при этомъ Государѣ, и въ продолженіи долгаго времени послѣ него, на шарѣ изображалась по прежнему языческая Викторія, хотя и при немъ, и при разныхъ другихъ Императорахъ, частію уже прежде его, именно, при сыновьяхъ Константина В., при Іовіанѣ и Валентиніанѣ I, частію же въ послѣдующее время, какъ на прим., при Львѣ, Анастасіѣ, Юстинѣ, Юстиніанѣ, вводилось мало по малу соединеніе языческаго символа съ Христіанскимъ, или такъ, что на оборотѣ медали или монеты, лицевая сторона которой представляетъ самаго Императора, изображалась крылатая Викторія съ лавровымъ вѣнкомъ въ одной, и съ шаромъ, осѣняемымъ крестомъ, въ другой рукѣ, или такъ, что тамъ изображался воинъ, держащій въ одной рукѣ крестъ, или хоругвь съ монограммою имени I. Христа, а въ другой шаръ съ статуею Викторіи. Наконецъ однакожъ Крестъ вытѣснилъ совершенно языческую Викторію; и, осѣняемый этимъ священнымъ знаменіемъ побѣды надъ врагами Христіанства, державный шаръ остался въ числѣ знаковъ верховной власти при дальнѣйшихъ Государяхъ Римской Восточной, или Греческой Имперіи, изъ коихъ многіе, начиная съ

---

[1] Въ числѣ другихъ медалей и монетъ, которыхъ изображенія находятся у Дюканжа и Бандури, есть одна, усвояемая первымъ Валентиніану, правившему Западными областями Имперіи прежде, нежели Феодосій достигъ Императорскаго достоинства, и имѣющая въ оборотной своей сторонѣ изображеніе воина, держащаго въ рукѣ также шаръ, на которомъ водруженъ крестъ; но Бандури считаетъ эту медаль неправильно усвоенною Дюканжемъ Валентиніану I, и относитъ ее къ Плацидію Валентиніану III.

Юстиніана, изображаются сами держащими въ рукѣ этотъ символъ земныхъ Владыкъ, подчиняющихъ себя владычеству Царя Небеснаго.

Самая одежда Царская,—разумѣя здѣсь преимущественно тѣ составныя части ея, которыя носятся поверхъ другихъ,—всегда отличалась и особеннымъ богатствомъ, пышностію, великолѣпіемъ матеріаловъ, изъ которыхъ она дѣлалась, и особенною формою, и особыми благороднѣйшими и прекраснѣйшими цвѣтами или красками. Сколько пышность и великолѣпіе царскихъ одеждъ возвышались употребленіемъ шелка, можно заключить изъ того, что шелковыя ткани были очень рѣдки въ древнія времена, особенно въ Европѣ, гдѣ онѣ, даже въ тогдашней всемірной столицѣ, сдѣлались извѣстны только во времена Октавія Августа, и, долгое время еще послѣ того, покупались на вѣсъ золота.

Что касается до отличія царскихъ одеждъ отъ прочихъ по особенному ихъ цвѣту: то багряный или пурпуровый цвѣтъ въ древнія времена былъ всеобщимъ и существеннымъ признакомъ верхняго Царскаго одѣянія. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ древнихъ государствахъ для той же царской одежды употреблялись отчасти другіе цвѣта; также были примѣры соединенія нѣсколькихъ подобныхъ цвѣтовъ на одной и той же одеждѣ. Наиболѣе же содѣйствовало къ увеличенію блеска и великолѣпія царскихъ одѣяній употребленіе золотыхъ и серебряныхъ тканей и украшеніе ихъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, издревле обычное на Востокѣ, и оттуда перенесенное въ Римскую Имперію почти въ одно время въ другими отличіями царскаго достоинства. [1]

---

[1] См. Авр. Виктора и другихъ Римскихъ историковъ.

Такія украшенія иногда нашивались на самыя одежды, какъ это можно заключать уже изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ древними историками о тѣхъ Римскихъ Императорахъ, которые, подражая древнимъ Восточнымъ царямъ, дѣлали первые опыты употребленія пышныхъ и великолѣпныхъ одеждъ, не бывшаго дотолѣ въ Римскихъ обычаяхъ. [1] При позднѣйшихъ Греческихъ Императорахъ, изъ числа верхнихъ одѣяній, употребляемыхъ при вѣнчаніи на царство и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ, въ особенности богато украшался далматикъ, названный такъ по имени страны, изъ которой онъ заимствованъ, и имѣвшій видъ туники, только довольно широкой и съ широкими рукавами, а въ размѣрѣ длины оканчивавшійся нѣсколько ниже колѣнъ. Весь верхній край этого одѣянія, какъ сзади, на плечахъ и между ними, такъ и спереди, на груди, за тѣмъ, довольно широкая полоса на срединѣ передней его части, отъ груди до подола, равно какъ и самый подолъ, и наконецъ, края рукавовъ, вышивались золотомъ, унизывались жемчугомъ и усаживались по мѣстамъ драгоцѣнными камнями. [2] А иногда, вмѣсто того, или же сверхъ того, плеча и грудь покрывались особою короткою, вообще не далѣе половины опущенной руки нисходящею, накидкою, которая называлась нарамницею или оплечьемъ, а у позднѣйшихъ Греческихъ Историковъ, описывавшихъ обрядъ вѣнчанія на царство Греческихъ Императоровъ, означалась наименованіемъ діадимы, [3] подъ которымъ, равно какъ

---

[1] Ср. *Авр. Виктора*, *Геродіана* и другихъ писателей Римской Исторіи.

[2] Ср. послѣдніе рисунки въ 1-й части Дюканжевой Византійской Исторіи, а также во II томѣ упомянутаго выше сочиненія *Бандури*, и под. рисунки у *Мальо* въ I томѣ.

[3] Ср. на прим., описаніе вѣнчанія Андроника младшаго и другихъ Императоровъ, у Іоанна Кантакузена въ его Исторіи, кн. I. гл. 41. *Ἰωάννου τοῦ Καντακουζήνου ἀποβασιλέως ἱστοριῶν βιβλία δ.* Parisiis. 1645 fol. pag. 122, 123, 125. Вѣнецъ называется здѣсь *στέφανος* и *στέμμα*.

подъ соотвѣтствующимъ ему названіемъ бармъ, она извѣстна и въ нашемъ отечествѣ. Будучи накладываема поверхъ всѣхъ другихъ частей Царскаго одѣянія, эта часть его покрывалась богатѣйшими украшеніями изъ золота, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней. Такое оплечье издавна было въ употребленіи Царей на Востокѣ; и мы видимъ въ числѣ другихъ знаковъ царскаго достоинства, отличавшихъ уже перваго Еврейскаго Царя, Саула, нарамницу, которую Амалекитянинъ, ускорившій смерть его, принесъ къ Давиду вмѣстѣ съ вѣнцемъ Сауловымъ. [1] У нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ Греческихъ Императоровъ, сверхъ сказанныхъ украшеній, на оплечьяхъ или бармахъ помѣщались изображенія Святыхъ; что, въ послѣдствіи времени, и послужило поводомъ къ усвоенію этой части Царскаго одѣянія особеннаго, высшаго качества Святыни, въ религіозномъ значеніи этого слова. Особыя оплечья были въ числѣ другихъ принадлежностей Царской одежды и у Государей Западной Европы: какъ то показываютъ дошедшія до насъ изображенія ихъ, частію уже начиная съ И. Карла В., но особенно въ болѣе отдаленныхъ отъ времени царствованія его столѣтіяхъ. Только тамъ они дѣлались большею частію изъ горностаеваго мѣха, въ особенности усвоеннаго верхнимъ частямъ Царской одежды, — хотя въ нѣкоторыхъ изображеніяхъ можно видѣть оплечья и не мѣховыя, а сдѣланныя изъ матерій подобныхъ тѣмъ, какія вообще употреблялись тамъ для Царскихъ одѣяній. [2]

Наконецъ, къ числу древнѣйшихъ, и повсемѣстно употребительныхъ, внѣшнихъ принадлежностей Царскаго сана должно быть отнесено особое мѣсто, на которомъ возсѣдали Цари, когда они торжественно являлись или своимъ подданнымъ творящими судъ,

---

[1] 2 Царствъ 1. 10.

[2] Ср. *Malliot*, Recherches etc. т. III, въ разныхъ рисункахъ и въ принадлежащихъ къ нимъ мѣстахъ текста.

правду и милость, или посламъ иноземнымъ, приходившимъ къ нимъ по уполномочію и съ порученіями своихъ Государей. Это сѣдалище превосходитъ всѣ другія, обыкновенныя, и особымъ своимъ устройствомъ, которое выражается въ самомъ названіи «престола», усвояемымъ ему въ нашемъ отечественномъ языкѣ, и особымъ возвышеніемъ, на которомъ оно поставляется, въ ознаменованіе того, что Государь, съ высоты своего Царственнаго положенія, недоступной ни для одного изъ его поданныхъ, долженъ обнимать своимъ взоромъ цѣлое государство, какъ Верховный его Правитель. Надъ этимъ возвышеннымъ Царскимъ сѣдалищемъ воздвигается особый величественный кровъ, въ ознаменованіе высшаго божественнаго огражденія и покровительства Небеснаго, необходимаго Государямъ для устроенія блага подданныхъ; а надъ всѣми прочими составными его частями и украшеніями, въ чертогахъ Царей Христіанскихъ, возвышается тотъ же побѣдоносный для Царей, и спасительный для ихъ подданныхъ Крестъ, который служитъ превосходнѣйшимъ украшеніемъ и высшимъ освященіемъ для всѣхъ отличительныхъ знаковъ Царскаго достоинства.

Чтобы привлечь къ себѣ это Небесное покровительство и принять свыше божественное благословеніе и укрѣпленіе на великій и тяжкій подвигъ верховнаго правленія государствомъ, Цари земные возсылаютъ, вмѣстѣ съ своими подданными, особое торжественное моленіе къ Вышнему, Небесному Царю, поставляющему Царей [1] и въ тоже время торжественно облекаются въ священное царственное одѣяніе, возлагая на себя одни, и принимая въ свои державныя руки другіе знаки Царскаго достоинства. Необходимость такого особаго молитвословія и воспринятія этихъ видимыхъ, символическихъ орудій вер-

[1] Паралип. XXIX. 11. Дак. II. 21. IV. 14, 22, 29.

ховной правительственной дѣятельности была всегда сознаваема какъ древними, такъ и позднѣйшими народами и ихъ Государями; и потому у всѣхъ ихъ существовали опредѣленные, болѣе или менѣе сложные и торжественные обряды для этого дѣйствія, совершаемые обыкновенно при посредствѣ служителей вѣры. Мы не будемъ входить здѣсь въ описаніе такихъ обрядовъ, существовавшихъ у древнѣйшихъ народовъ, какъ то: у Китайцевъ, Индійцевъ, Персовъ, Египтянъ, древнихъ Грековъ и Римлянъ, потому что они не представляютъ въ себѣ чего либо, особенно поучительнаго для новыхъ Христіанскихъ народовъ, и сверхъ того, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ обрядовъ безобразно смѣшивается жертвоприношеніе богамъ съ обожаніемъ самихъ царей. Всѣмъ имъ, какъ основаннымъ на ложномъ богопочитаніи, недостаетъ того свѣта истины, котораго единственный чистый источникъ для древняго міра заключался въ откровенномъ ученіи вѣры. Въ первый разъ священнодѣйствіе помазанія на царство встрѣчаемъ мы въ Исторіи Еврейскаго народа. Изліяніе елея, или помазаніе имъ, могло бы уже само по себѣ имѣть важное значеніе, какъ символическое изображеніе умащенія тѣла, для укрѣпленія тѣлесныхъ силъ на предстоящій Царю правительственный подвигъ, — подобно тому, какъ древніе борцы укрѣпляли себя этимъ средствомъ предъ вступленіемъ своимъ на поприще для состязанія въ превосходствѣ тѣлесной силы. Но въ Царяхъ по сердцу Божію дѣйствіе помазанія было безконечно выше и благотворнѣе: на нихъ снисходилъ Духъ Господень, Который, носясь надъ ними постоянно, доколѣ Богъ не отвращалъ отъ нихъ лица за тяжкія вины, претворялъ все духовное ихъ существо, давалъ имъ разумъ и премудрость, — ту высшую, божественную премудрость, которою Царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду, [1] открывалъ сокро-

---

[1] Притч. VIII. 15.

венныя судьбы Божіи о царствахъ и народахъ; научалъ судить людей своихъ въ правдѣ и непогрѣшительно различать добро отъ зла; оружію ихъ сообщалъ силу избавлять народъ свой отъ угнетавшихъ его враговъ иноплеменныхъ; и обращая всякое начинаніе ихъ ко благу правимаго ими народа, самихъ ихъ превращалъ изъ обыкновенныхъ людей въ Пророковъ—Назидателей и утвердителей Царствъ, ввѣренныхъ имъ для верховнаго управленія. [1] Столь могущественное и многознаменительное по своимъ дѣйствіямъ помазаніе, сопровождавшееся возложеніемъ царскаго вѣнца, посажденіемъ на престолѣ, молитвословіемъ и нѣкоторыми другими принадлежностями, [2] уже во времена Ветхозавѣтной Церкви не ограничивалось исключительно Царями народа Еврейскаго, но, для исполненія относящихся къ нему опредѣленій Промысла, усвоялось иногда тѣмъ Царямъ народовъ иноплеменныхъ, которыхъ Богъ избиралъ орудіями своихъ неисповѣдимыхъ судебъ. [3] По упраздненіи же другихъ Ветхозавѣтныхъ обрядовъ, это священнодѣйствіе тѣмъ удобнѣе могло быть принято въ Новозавѣтную Церковь Христіанскую, что всѣ главныя основанія ученія этой Церкви о происхожденіи верховной правительственной власти отъ Бога, о обязанности безусловнаго повиновенія ей со стороны подданныхъ, о благоговѣйномъ уваженіи къ священной особѣ Государей, о неприкосновенности лицъ, законно облеченныхъ верховною властію, и подобныя, возможно твердое внушеніе которыхъ составляетъ одну изъ внѣшнихъ, такъ сказать, цѣлей этого высокаго священнодѣйствія, равно

---

[1] 1 Царствъ X. 1, 6, 9 — 13. XI. 11, 13, XIII, 13, 14. XVI. 13. XVIII. 14, 28. XIX, 23, 24. 3. Царствъ, III. 9, 11, 12. IV. 32 — 34. X. 7, 23, 24. 2 Паралип. I. 10—12. IX. 5, 6, 23. Дан. II. 21. 1 Кор. XIV. 3.

[2] См. 4 Царствъ XI. 12, 14, 19. 2 Паралип. XXIII. 11. Ср. 3 Царствъ I. 34, 35, 39, 40. 1 Паралип. XXIX. 22, 23.

[3] Ср. 3 Царствъ XIX. 15. 4 Царствъ VIII. 7—13. Исаіи XLV. 1, 4, 13.

какъ и начала нравственнаго ученія о обязанностяхъ Государей по отношенію къ подданнымъ, сознаніе которыхъ не можетъ не возбуждаться самымъ живымъ и дѣйствительнымъ образомъ въ душѣ лица, приступающаго къ этому священнодѣйствію, были уже развиты съ достаточною полнотою, ясностію и опредѣленностію въ Богодухновенныхъ писаніяхъ Ветхаго Завѣта.

Когда Христіанская Церковь, послѣ претерпѣнныхъ гоненій, умирена была извнѣ: тогда въ числѣ другихъ Богослуженій установлено было и таинственное священнодѣйствіе, которое имѣетъ цѣлію низвести небесную помощь и благословеніе на Государя, приступающаго къ подвигу верховнаго правленія государствомъ. По перенесеніи столицы тогдашней всемірной Имперіи изъ Рима въ Константинополь, и раздѣленіи самой Имперіи на Восточную и Западную, постепенное образованіе разныхъ Церковныхъ установленій могло совершаться преимущественно въ Восточной или Греческой Имперіи; а потому здѣсь надлежитъ искать и первыхъ примѣровъ вѣнчанія и помазанія Христіанскихъ Царей на царство. Но недостатокъ точныхъ историческихъ свидѣтельствъ не позволяетъ намъ сдѣлать опредѣленнаго заключенія по этому предмету относительно цѣлаго ряда первыхъ Христіанскихъ Императоровъ, начиная отъ Константина В. Равноапостольнаго, и продолжая до И. Льва, которому усвояется равномѣрно названіе Великаго. Только объ этомъ послѣднемъ Государѣ достовѣрно извѣстно, что, бывъ провозглашенъ Императоромъ при совокупномъ участіи въ томъ Сената, народа и войска, онъ былъ вѣнчанъ на царство въ 457 году по Р. Хр. Патріархомъ Анатоліемъ, который возложилъ діадиму на его голову. Между тѣмъ, подробности этого вѣнчанія, равно какъ вѣнчанія разныхъ послѣдующихъ Императоровъ, не довольно извѣстны, потому что полныя описанія этого обряда относятся уже къ гораздо позднѣйшимъ временамъ; изъ ближайшихъ столѣтій имѣются только отдѣльныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ, присо-

вокуплявшихся мало по малу къ первоначальному, безъ сомнѣнія, болѣе краткому и немногосложному обряду. Таково, на примѣръ, свѣдѣніе о писменномъ изложеніи исповѣданія Православной Вѣры, которое Императоры предъ началомъ вѣнчанія, вручали за собственноручнымъ подписаніемъ Патріарху, долженствовавшему совершить обрядъ вѣнчанія, и котораго начало относится къ вѣнчанію И. Анастасія Патріархомъ Евѳиміемъ въ 491 году.[1] Хотя же и полнѣйшія описанія обряда вѣнчанія на царство Греческихъ Императоровъ, которыя относятся къ XIV столѣтію,[2] и изъ которыхъ одно принадлежитъ нашему соотечественнику, бывшему спутникомъ Митрополита Пимена въ послѣдней поѣздкѣ его въ Грецію, и очевидцемъ вѣнчанія И. Мануила II въ 1391 году,[3] не во всѣхъ подробностяхъ изображаемыхъ ими дѣйствій согласны между собою; однакожъ, по общему ихъ соображенію, можно за главныя и существенныя дѣйствія этого торжественнаго обряда принять: облеченіе Императора въ порфиру, и діадиму, возложеніе на голову его вѣнца, принятіе въ одну руку креста, а въ другую скипетра, посажденіе на престолѣ, мѵропомазаніе, и пріобщеніе Св. Таинъ въ

---

[1] Ср. Ioannis Zonarae Annales, tom. III. Imperium Anastasii Dicori. Въ Corpus Historiae Byzantinae. Francof. ad Moenum. 1574. fol. на л. 126. Подобныя свидѣтельства частію объ этомъ, частію о другихъ Императорахъ, находятся у Евагрія, Ѳеофанія, Никиты Хоніата и др.

[2] Изъ Греческихъ писателей здѣсь долженъ быть поименованъ Георгій Кодинъ, который жилъ послѣ Кантакузина и писалъ о должностяхъ придворныхъ и церковныхъ, но который перенесъ въ свое сочиненіе Кантакузиново описаніе обряда вѣнчанія Греч. Императоровъ почти отъ слова до слова.

[3] Дѣйство, како вѣнчанъ бысть царь Мануилъ Греческій на царство, въ Опытѣ Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при И. Московскомъ Университетѣ, ч. I. Москва. 1774. Ср. Карамзина, Исторія Госуд. Россійск. томъ V, примѣч. 133.

олтарѣ, по образу священнослужителей. Все это сопровождалось возглашеніемъ приличныхъ совершаемому священнодѣйствію молитвъ и священными пѣснопѣніями, назидательною рѣчью Патріарха, обращенною къ вѣнчанному и помазанному Императору, обычными привѣтствіями духовныхъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, и восклицаніями народа. Изъ числа предметовъ и дѣйствій, не включенныхъ въ это общее означеніе излагаемаго обряда, можно замѣтить упомянутое нашимъ соотечественникомъ, и умолчанное Греческими писателями, возложеніе Патріархомъ креста на Императора, которое предшествовало возложенію на его голову принесеннаго изъ алтаря вѣнца, и которое въ послѣдствіи времени встрѣчается въ древнихъ чинахъ вѣнчанія нашихъ Царей, и наоборотъ, опущенное первымъ и приводимое послѣдними, поднятіе Императора на щитъ, въ виду народа, которое впрочемъ, по свидѣтельству однихъ писателей, совершалось въ особомъ церковномъ притворѣ, а по сказанію другихъ, во дворцѣ, предъ выходомъ Императора въ соборную Церковь, [1] но которое во всякомъ случаѣ предшествовало всѣмъ другимъ, означеннымъ здѣсь дѣйствіямъ и сопровождалось громогласными восклицаніями народа, и которое живо напоминаетъ собою гибельную для государства зависимость избранія и большей части первыхъ Римскихъ, и многихъ послѣдующихъ Греческихъ Императоровъ отъ буйной силы и необузданнаго произвола воинскихъ полчищъ и ихъ предводителей. Наконецъ, ни въ одномъ изъ описаній обряда вѣнчанія этихъ Императоровъ не говорится о державѣ или о державномъ шарѣ, тогда какъ на большей части упомянутыхъ выше древнихъ изображеній Христіанскихъ Императоровъ, въ одной рукѣ ихъ виденъ этотъ шаръ, обыкновенно съ возвышающимся надъ нимъ крестомъ;

---

[1] См. въ привед. выше Исторіи І. Кантакузина, на с. 121 и 122.

а въ другой крестъ, чаще всего съ продолговатымъ, опертымъ на землю, нижнимъ концемъ, или, вмѣсто него, церковная хоругвь, и только весьма рѣдко, жезлъ или скипетръ.

Супруги Императоровъ были также удостоиваемы высокой почести вѣнчанія царскимъ вѣнцемъ, который возлагаемъ былъ на ихъ голову самими Императорами; какъ то видно частію изъ нѣкоторыхъ описаній вѣнчанія на царство самихъ Императоровъ, частію же изъ отдѣльныхъ историческихъ свидѣтельствъ, относящихся къ разнымъ Императрицамъ; а также изъ того, уже замѣченнаго отчасти выше обстоятельства, что въ изображеніяхъ Государей и другихъ лицъ древняго міра, видны супруги Христіанскихъ Императоровъ въ діадимахъ или вѣнцахъ, украшенныхъ возвышающимся надъ ними крестомъ, гораздо ранѣе, нежели Императоры, и именно еще въ тотъ періодъ времени, для котораго недостаетъ намъ довольно точныхъ и опредѣленныхъ историческихъ свѣдѣній о вѣнчаніи самихъ Императоровъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Императоры вступали въ бракъ послѣ собственнаго вѣнчанія на царство, они обыкновенно вѣнчали своихъ супругъ при самомъ совершеніи брака.[1] Во всякомъ случаѣ, столь высокая почесть соотвѣтствовала значительному участію, которое Греческія Императрицы не рѣдко принимали въ дѣлахъ государственнаго управленія, частію какъ сотрудницы своихъ супруговъ, частію же какъ правительницы Имперіи во время малолѣтства преемниковъ престола и въ особыхъ случаяхъ временнаго его упраздненія; при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ оказали важныя услуги государству въ особенно затруднительныхъ случаяхъ, и

[1] Ср. полныя описанія Императорскихъ вѣнчаній составленныя Греческими писателями и нашимъ соотечественникомъ; а также въ Лѣтописяхъ Зонары, томъ III. царствованіе Имп. Юстиніана II, на листѣ 136, Өеофила, на л. 146, Льва Философа, на листѣ 154, по привед. выше изданію.

Православной Церкви, когда она была волнуема ложными ученіями, которыя иногда были поддерживаемы самими неправомыслящими Императорами. Довольно привести на память знаменитыя въ Исторіи Христіанской Церкви имена Императрицъ Ирины и Ѳеодоры, возстановительницъ иконопочитанія, которое подвергалось гоненію со стороны большей части Императоровъ, царствовавшихъ съ воцаренія Льва III Исаврянина до смерти Ѳеофила, супруга Ѳеодоры. Наконецъ, въ Греческой Имперіи встрѣчаются примѣры вѣнчанія Императорскихъ сыновъ, или другихъ родственниковъ, или даже не принадлежащихъ къ Императорскому дому по кровной связи лицъ, когда царствующіе Императоры принимали ихъ въ соправители Имперіи, или имѣли въ виду обезпечить и утвердить за ними престолонаслѣдіе посредствомъ этого священнаго и торжественнаго дѣйствія. [1]

Изъ Греческой Имперіи употребленіе отличительныхъ знаковъ царскаго достоинства, равно какъ и самый обрядъ помазанія и вѣнчанія на царство перешли въ Западную Европу. Императоры Византійскіе, въ числѣ другихъ способовъ пріобрѣтенія себѣ добраго и миролюбнаго расположенія предводителей разныхъ варварскихъ народовъ, сообщали имъ титулы сперва Консуловъ и Патриціевъ, а потомъ и Королей, и препровождали къ нимъ вѣнцы, порфиры и другія принадлежности царскаго сана. Этотъ переходъ совершался не всегда непосредственно, но отчасти чрезъ

Ср. Лѣтописей I. *Зонары* томъ III, листы 136, 142, 151, 153, 156, 158, о вѣнчаніи Императорами: Юстиніаномъ II, Никифоромъ, Василіемъ Македоняниномъ, Львомъ Философомъ, Романомъ Лакапиномъ и Константиномъ Порфироднымъ сыновъ своихъ, иногда въ самомъ раннемъ возрастѣ ихъ жизни и при самомъ началѣ своего царствованія, а также о вѣнчаніи И. Михаиломъ III чуждаго себѣ по родству Василія Македонянина. *Niceph. Gregorae*, Romanae, hoc est, Byzantinae Historiae lib. IV et VI: о подобныхъ дѣйствіяхъ Имп. Михаила и Андроника Палеологовъ; въ Corp. Hist. Byzant. на лист. 15 и 22; и т. д.

посредство Западной Римской Имперіи, при содѣйствіи единой еще тогда и нераздѣльной Христіанской Церкви. Въ этихъ странахъ, самая значительныя доля участія въ постепенномъ образованіи всего, что принадлежитъ къ разсматриваемому нами предмету, должна быть усвоена новой Имперіи Карла Великаго, которая, по раздробленіи, сосредоточилась преимущественно въ странахъ древней Германіи. Публицисты ея всегда смотрѣли на нсе не иначе, какъ на продолженіе Священной Римской Имперіи. Этотъ особый, оффиціальный взглядъ не остался безъ вліянія и на употребленіе отличительныхъ знаковъ верховной власти въ такихъ важныхъ торжественныхъ дѣйствіяхъ, каково, на примѣръ, коронованіе и мvропомазаніе Христіанскихъ Государей. Извѣстно, что средневѣковые Германскіе публицисты изобрѣли теорію двухъ высшихъ, безусловныхъ властей, духовной и мірской, которымъ они усвояли обладаніе надъ цѣлымъ Христіанскимъ міромъ, или даже надъ цѣлымъ земнымъ шаромъ, какъ долженствующимъ ранѣе или позже принять ученіе Христіанской Вѣры, и изъ которыхъ послѣдняя, по ихъ ученію, принадлежала Римско-Германскому Императору.[1] По этому, если Греческіе Императоры, можетъ быть, въ слѣдствіе неизбѣжнаго сознанія безпрестанно уменьшавшагося объема Восточной Имперіи, особенно въ послѣднія столѣтія ея существованія, не включали изображенія земли въ видѣ шара въ число другихъ знаковъ верховной власти, употребляемыхъ ими при вѣнчаніи на царство, — какъ это можно заключать изъ умолчанія объ немъ въ самыхъ полныхъ описаніяхъ обряда этого вѣнчанія: то напротивъ, въ Римско-Германской Имперіи, въ соотвѣтственность съ изъясненнымъ ученіемъ о двухъ всемірныхъ властяхъ, это изображеніе сдѣлалось однимъ изъ главнѣйшихъ и существенныхъ внѣшнихъ

---

[1] Sachsenspiegel, часть 1-я; Landrecht, кн. I. стат. 1. Schwabenspiegel, предисл. къ I-й части, стат. 9 и 10.

знаковъ верховной власти, или регалій, и такою принадлежностію Императорскаго коронованія, которая занимала одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ между всѣми прочими. Сверхъ того, въ число принадлежностей обряда вѣнчанія частію Императоровъ, частію Королей, приняты нѣкоторые другіе предметы, кромѣ означенныхъ выше въ обрядѣ вѣнчанія Греческихъ Императоровъ; какъ то: мечь, — обыкновенно какого нибудь знаменитаго Государя прежнихъ временъ, или другаго лица, заслужившаго своими подвигами особенное уваженіе: Карла В. и Св. Мавриція въ Германской Имперіи, Эдуарда въ Англіи, Стефана въ Венгріи, и т. дал.; перстень; т. н. рука правосудія, долгое время замѣнявшая державу во Франціи; разные особые виды или составныя части одежды, и въ числѣ ихъ, у Германскихъ Императоровъ, далматикъ, вышитый, по мѣстамъ, золотомъ и жемчугомъ; и даже нѣкоторыя принадлежности обуви. Самое коронованіе совершаемо было нѣкоторыми Государями Западной Европы, соединявшими подъ своею державою нѣсколько государствъ, неоднократно. Такъ, на примѣръ, Римско-Германскіе Императоры, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, считали необходимымъ короноваться троекратно: прежде всего, собственно Германскою короною, сперва въ Ахенѣ, послѣ въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, и преимущественно въ томъ городѣ, гдѣ происходило ихъ избраніе, за которымъ обыкновенно и слѣдовало это коронованіе или непосредственно, или въ самомъ непродолжительномъ времени; за тѣмъ, такъ называемою желѣзною Ломбардскою короною, — большею частію въ Миланѣ, но иногда въ другихъ городахъ Верхней Италіи, на примѣръ: въ Павіи, въ Монцѣ; наконецъ, Римскою Императорскою короною, которую возлагали на нихъ сами Папы, и притомъ, за исключеніемъ весьма рѣдкихъ особенныхъ случаевъ, всегда въ Римѣ. Послѣднее коронованіе долго считалось столь важнымъ и существеннымъ, что только по совершеніи его эти Государи принимали самый титулъ

Римскихъ Императоровъ, именуясь дотолѣ Римскими Королями. Съ коронованіемъ рукою Папы соединялись нѣкоторые унизительные для Императора обряды и присяга, которою онъ долженъ былъ утверждать свое послушаніе Папѣ, и которая питала и поддерживала чрезмѣрныя притязанія Папскаго властолюбія, не имѣвшія никакого правильнаго основанія, но весьма часто нарушавшія спокойствіе Имперіи. Эти и другія неудобства заставили наконецъ Императоровъ, съ половины XVI стол., вовсе отказаться отъ Римскаго коронованія, и ограничиться однимъ Германскимъ, по совершеніи котораго они немедленно принимали Императорскій титулъ.

Въ нашемъ отечествѣ, вскорѣ послѣ основанія новой Монархіи, верховные обладатели ея начали приходить въ соприкосновеніе съ Греческою Имперіею, которая служила проводникомъ обычаевъ и обрядовъ, относящихся къ внѣшнимъ принадлежностямъ Царскаго достоинства, изъ древняго міра въ образовавшіяся вновь государства. Только это соприкосновеніе съ самаго начала обыкновенно обнаруживалось не въ мирныхъ, дружественныхъ, сношеніяхъ, а въ столкновеніяхъ враждебныхъ. По этому не удивительно, что Императоры, большею частію выкупая заключаемый съ Русскими миръ огромными количествами наличнаго золота, вовсе не были расположены посылать имъ сверхъ того въ подарокъ вѣнцы и одежды Царскія; какъ то видно изъ наставленія, даваемаго Константиномъ Багрянороднымъ сыну своему Роману въ книгѣ объ управленіи государства, на тотъ случай, если бы Казары, или Турки (тогдашніе обитатели Венгріи), или Россы (Ῥῶς) или другіе какіе либо изъ числа Сѣверныхъ и Скиѳскихъ народовъ обратились къ нему, какъ часто случается, съ требованіемъ присылки Царскихъ одеждъ, или нарамницъ, и вѣнцевъ.[1] Это согласно и съ тѣмъ общимъ распоряженіемъ, которымъ Греческіе

[1] Constantini Porphyrogeniti, de administrando imperio, cap. XIII. Въ Imperium Orientale.... opera.... A. Banduri. Tom. I. Parisiis. 1711. fol. pag. 63.

Императоры, желая прикрыть наступившее за прежними блистательными временами Имперіи ослабленіе внутреннихъ ея силъ внѣшнимъ блескомъ и великолѣпіемъ, запрещали продавать и вывозить въ чужія страны самыя дорогія ткани или паволоки. Впрочемъ, изъ приведенныхъ словъ Константина Багрянороднаго не видно, чтобы который либо изъ Великихъ Князей именно домогался пріобрѣтенія этихъ внѣшнихъ знаковъ Царскаго достоинства. Равнымъ образомъ, и нашъ древнѣйшій лѣтописецъ, описывая съ большою подробностію, и отчасти съ приведеніемъ самыхъ подлинныхъ рѣчей, переговоры двухъ первыхъ Великихъ Князей Русскихъ, воевавшихъ противъ Греціи, и особенно тѣ, которые съ стороны Греческой Имперіи ведены были, въ числѣ другихъ Императоровъ соправителей, отъ имени самаго Константина, внесеннаго впрочемъ уже и въ первый Олеговъ договоръ, вовсе не упоминаетъ о какомъ либо подобномъ требованіи, которое бы сдѣлано было однимъ изъ этихъ Государей, или кѣмъ либо изъ дальнѣйшихъ ихъ преемниковъ. Вообще, въ подобныхъ искательствахъ съ ихъ стороны можно весьма усумниться, если приемъ въ соображеніе, съ одной стороны, простоту образа жизни, свойственную большей части первыхъ Великихъ Князей Русскихъ, и нѣкоторыми изъ нихъ, какъ на примѣръ, воинственнымъ Святославомъ Игоревичемъ, доведенную даже до чрезмѣрной суровости; а съ другой стороны, ясныя свидѣтельства отечественной Исторіи, показывающія, сколь высоко наши Государи, и въ позднѣйшія затѣмъ времена, цѣнили свой Великокняжескій санъ и титулъ, и сколь мало заботились о Королевскомъ вѣнцѣ и титулѣ, предлагаемомъ имъ со стороны тѣхъ Западныхъ Вѣнценосцевъ, которые считали себя въ мнимомъ правѣ раздавать другимъ эти высшія отличія.[1]

---

[1] Даже одинъ изъ нашихъ удѣльныхъ Князей, Романъ Мстиславичь, Князь Владимірскій на Волыни и Галицкій, котораго имя, прославленное въ бит-

Извѣстно, что на это право предъявляли притязаніе, съ одной стороны, Папы Римскіе, а съ другой, Императоры Германскіе, и что тѣ и другіе присвоивали себѣ это право исключительно, выдавая себя за единственныхъ законныхъ раздавателей Королевскихъ, Герцогскихъ и другихъ коронъ и титуловъ, и отвергая принадлежность подобнаго права противной сторонѣ. Извѣстно также, что древніе иностранные лѣтописцы, касаясь въ своихъ повѣствованіяхъ нѣкоторыхъ событій, относящихся до нашего Отечества, обыкновенно именовали нашихъ Великихъ Князей Царями или Королями: Rex, а описывая взаимныя сношенія ихъ съ разными Государями Западной Европы, изображали тѣхъ и другихъ совершенно равными между собою по достоинству и по титулу; и что сами Западные Государи, когда имѣли нужду обращаться за чѣмъ либо къ нашимъ Великимъ Князьямъ, какъ то въ особенности дѣлали Папы, искони домогавшіеся вступленія нашихъ Государей и ихъ подданныхъ въ союзъ единства съ Римскою Церковію, равномѣрно придавали имъ въ своихъ грамотахъ или посланіяхъ тотъ же Царскій или Королевскій титулъ. Когда же Іоаннъ III Васильевичь, одинъ изъ числа тѣхъ нашихъ Князей, которые были истинно велики не по титулу только, но и по самымъ дѣламъ своего благотворнаго для Россіи правленія, обратилъ

вахъ противъ Венгровъ, и Литвы, Ляховъ и Ятвяговъ, отозвалось и въ Константинополѣ, столицѣ государства, защищеннаго имъ отъ хищныхъ Половцевъ, и въ древнемъ Римѣ, съ гордостію отказался отъ королевскаго титула предложеннаго ему посломъ Папы Иннокентія III. Правда, въ послѣдствіи времени, сынъ этого самаго Князя, Даніилъ, принялъ Королевскій вѣнецъ, присланный ему отъ Папы Иннокентія IV, но весьма не охотно, послѣ долговременнаго отрицанія, уступивъ въ томъ убѣжденіямъ своей матери и другихъ почетныхъ совѣтниковъ, и нѣкоторымъ образомъ, вынужденный къ тому бѣдственнымъ положеніемъ, въ которомъ находилось тогда Отечество, и изъ котораго онъ надѣялся извлечь, по крайней мѣрѣ, часть его при содѣйствіи, обѣщанномъ ему какъ предлагавшимъ корону, такъ и склонявшими къ ея принятію.

на себя вниманіе Вѣнценосцевъ Западной Европы: то раздаватели коронъ и титуловъ Королевскихъ не преминули обратиться частію къ нему самому, частію же къ его преемникамъ, съ предложеніемъ имъ этой высокой почести. Такъ, первый посолъ Германскаго Императора Фридриха III, Николай Поппель, конечно не безъ вѣдома и согласія своего Государя, обращался къ Іоанну III съ объясненіемъ, что Папа не имѣетъ власти возводить кого либо въ Короли, Князья и рыцари, а власть эта принадлежитъ одному Римскому Императору, и съ предложеніемъ готовности своей, усердно послужить предъ нимъ нашему Государю, если ему угодно, вмѣстѣ съ своимъ потомствомъ, сдѣлаться Королемъ въ своей землѣ. Но Великій Князь повелѣлъ дать послу отвѣтъ въ слѣдующихъ, истинно царственнымъ величіемъ и вмѣстѣ христіанскимъ смиреніемъ дышащихъ, словахъ: .... «А что еси намъ говорилъ о Королевствѣ, если Намъ любо отъ Цесаря хотѣти Кралемъ поставлену быти на своей землѣ, и Мы, Божіею милостію, Государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей; а поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ Наши прародители, такъ и Мы; а просимъ Бога, чтобы Намъ далъ Богъ и Нашимъ дѣтемъ и до вѣка въ томъ быти, какъ есмя нынѣ Государи на своей землѣ; а постановленія какъ есмя на передъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ.»[1] Сыну этого Государя, достойно поддержавшему и продолжившему благія начинанія своего мудраго отца на пользу государства, было сдѣлано такое же предложеніе отъ Папы Льва X, который присовокупилъ къ нему еще другія блистательныя обѣщанія и виды: на возвышеніе Русскаго государства до сравненія его съ первостепенными Европейскими Державами; на возвышеніе Россійской Церкви чрезъ возведеніе нашей Митрополіи на степень Патріаршества, и даже на обладаніе Константинополемъ съ зависящими отъ него странами, какъ отчиною, или за-

[1] См. Памятники Дипломатическихъ сношеній Россіи съ Державами иностранными. Спб. 1851. 8. Т. I. столб. 10—12.

конным наслѣдственным достояніем Великаго Князя. Подобное предложеніе относительно Королевскаго достоинства повторено тому же Русскому Государю от Папы Климента VII, а в послѣдствіи времени было дѣлаемо Царю Іоанну IV Васильевичу, уже послѣ вѣнчанія его на царство, от Папы Юлія III, в 1550 году, и Ц. Ѳеодору Іоанновичу от П. Климента VIII, в 1594 году [1]. Не входя здѣсь

[1] См. Акты Историч. отосящ. къ Россіи (Hist. Russiae monim.) Т. II. № CXXI. выписки изъ Прусск. дѣлъ въ Исторіи Госуд. Росс. Карамз. т. VII. прим. 189 и 191; т. IX. прим. 564; т. X. стр. 188—191. — Изъ собранныхъ въ иностранныхъ архивахъ актовъ, относящихся къ Россіи, видно, что Папы внимательно наблюдали за ходомъ государственныхъ событій въ нашемъ Отечествѣ, получая довольно скоро свѣдѣнія о нихъ отъ разныхъ Западныхъ Державъ, состоявшихъ въ дружественныхъ или непріязненныхъ къ намъ отношеніяхъ. По этому, они не могли не узнать въ скоромъ времени и объ окончательномъ и формальномъ принятіи нашими Государями Царскаго титула, утвержденномъ вѣнчаніемъ на Царство Іоанна IV, и въ послѣдующее за тѣмъ время, подтверждаемомъ подобнымъ вѣнчаніемъ каждаго, вновь вступающаго на Россійскій престолъ Государя. Но считая себя, какъ Намѣстниковъ Божіихъ на землѣ, единственными обладателями права, раздавать короны и утверждать соотвѣтствующіе имъ титулы, они долго не соглашались усвоять нашимъ Государямъ принятаго ими, и со стороны разныхъ другихъ государствъ, въ томъ числѣ и Германской Имперіи, безпрекословно признаннаго, Царскаго титула; или, по крайней мѣрѣ, колебались въ своей рѣшимости къ тому, то усвояя имъ не только Царскій, то даже Императорскій титулъ, то напротивъ именуя ихъ только Великими Князьями, — смотря по измѣненіямъ въ своей политикѣ вообще, и въ особенности по цѣлямъ, которыхъ желали и надѣялись достигнуть посредствомъ дипломатическихъ сношеній съ Самодержавными Повелителями столь обширной и могущественной уже въ то время Державы. Отъ того случалось, что, не говоря уже о разныхъ Папахъ, одинъ и тотъ же Папа, и притомъ не только въ разныя времена, но даже въ одномъ и томъ же году, въ одной изъ своихъ грамотъ именовалъ нашего Государя Царемъ, или Императоромъ, какъ, на примѣръ, Папа Юлій III Царя Іоанна IV: Iulius Episcopus servus servorum Dei serenissimo ac potentissimo Domino, Domino Ioanni, M. Universorum Rhutenorum Imperatori etc.; а въ другой

въ сужденіе ни о степени безкорыстія, съ которымъ дѣлались всѣ подобныя предложенія, и которое въ нихъ нерѣдко именно выставлялось на видъ [1], ни объ огромности и тяжести жертвъ, соединенныхъ съ ихъ принятіемъ, ни о различіи политическихъ видовъ и религіозныхъ убѣжденій предлагавшей стороны и той, къ которой относились предложенія, — довольно сказать, что всѣ такія предложенія обыкновенно оставались безъ всякихъ послѣдствій. В. Князь Василій Іоанновичь, не отвергая дружественныхъ сношеній съ Папами по дѣламъ политическимъ, относительно соединенія Восточной Греко-Россійской Церкви съ Западною, составлявшаго постоянно главнѣйшій предметъ самыхъ усильныхъ ихъ домогательствъ, повелѣлъ передать отвѣтъ, напоминающій и своею твердостію, и своимъ образомъ выраженій, приведенный выше отвѣтъ отца его послу Императорскому: «какъ напередъ того Государь нашъ съ Божьею волею отъ прародителей своихъ Законъ Греческой держалъ крѣпко, такъ и нынѣ съ

грамотѣ, или въ актѣ инаго рода, называлъ его только Великимъ Княземъ. Ср. Historica Russiae monimenta, t. I. № CXXXI — CXXXIII, CCLII. T. II. № XXVI—XXIX. О томъ: давать или не давать Государямъ Московскимъ титулъ Царя, происходили продолжительныя совѣщанія въ Папской Консультѣ уже во второй половинѣ XVII столѣтія, при П. Климентѣ X. Естественно, что и наши Государи соображали свой тонъ рѣчи въ отношеніи къ Папамъ съ ихъ выраженіями и съ собственными политическими видами. Въ приведенныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ 1670 году, упоминается, между прочимъ, что тогдашній Великій Князь (Царь Алексѣй Михайловичь) позволяетъ себѣ придавать Папѣ только титулъ Господина (Maestro) Римской Церкви. См. тамъ же, т. II. № CXV.

[1] Нѣкоторое понятіе о требованіяхъ, соединяемыхъ съ предложеніемъ Королевскаго вѣнца и титула, можетъ дать записка объ условіяхъ, на которыхъ Папа Юлій III удостоитъ украсить Королевскими знаками (dignabitur regiis insigniis ornare) Великаго Князя Московскаго, писанная въ 1550 году, и которую должны были представить Іоанну IV Графъ Герберштейнъ и I. Штембергъ. См. Hist. Russiae monimenta т. II. № CXXI—CXXXIII.

Божьею волею Законъ свой держати крѣпко хочетъ». О Королевскомъ же достоинствѣ ни этотъ Государь, ни его преемники, не считали, кажется, умѣстнымъ входить въ какія либо сужденія, и упоминать въ отвѣтахъ, даваемыхъ посламъ Папскимъ.

Впрочемъ, этотъ недостатокъ вниманія къ столь лестнымъ, по видимому, предложеніямъ относительно титула, вѣнца и другихъ знаковъ Королевскаго достоинства, заключалъ въ себѣ только выраженіе полнаго и безусловнаго отрицанія нашими Государями зависимости верховнаго ихъ сана отъ какой бы то ни было другой земной власти, и столь же яснаго сознанія и глубокаго убѣжденія въ томъ, что верховная ихъ власть происходитъ непосредственно отъ самаго Бога. Между тѣмъ, несправедливо было бы выводить отсюда такое заключеніе, будто наши древніе Государи вовсе не употребляли никакихъ внѣшнихъ отличительныхъ знаковъ принадлежащей имъ верховной власти, и не ознаменовывали своего вступленія въ управленіе государствомъ никакимъ особымъ торжественнымъ дѣйствіемъ. Напротивъ, они отличались отъ всѣхъ своихъ подданныхъ, въ томъ числѣ и отъ лицъ, принадлежащихъ къ самымъ высшимъ сословіямъ въ государствѣ, или занимающихъ самыя высокія ступени подчиненной правительственной дѣятельности, и своимъ головнымъ уборомъ, и своими верхними одеждами, и особыми украшеніями, носимыми на шеѣ или на груди; и при томъ, эти отличія были такъ опредѣленны и явственны, что по нимъ всегда и вездѣ можно было узнать Великокняжескую особу. Тѣло В. Князя Георгія Всеволодовича, падшаго на берегахъ Сити, отъискано было между множествомъ другихъ, падшихъ за Отечество воиновъ, и даже обезглавленное узнано по бывшему на немъ Княжескому одѣянію. Въ числѣ такихъ отличительныхъ знаковъ, для покрытія головы употреблялась Княжеская митра, называемая въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ

клобукомъ, [1] и имѣвшая значеніе Царскаго вѣнца или короны, въ томъ отношеніи, что она могла быть не снимаема съ головы и въ Церкви, во время совершенія разныхъ Богослужебныхъ дѣйствій [2]. Изъ составныхъ частей одежды прежде всего представлялась взору Княжеская мантія, какъ носимая поверхъ другихъ одѣяній; а за тѣмъ, или далматикъ изъ дорогихъ матерій, съ золотымъ шитьемь, жемчужными и другими украшеніями, подобный тѣмъ, какіе описаны выше и, по всей вѣроятности, заимствованный изъ Греціи; или другая, столь же богато украшенная, одежда съ открывающимися полами, и потому какъ при надѣваніи, такъ и при снятіи, болѣе удобная для повседневнаго употребленія.

Что червленый или скарлатный, иначе, пурпуровый цвѣтъ составлялъ принадлежность верхнихъ Великокняжескихъ одеждъ: это можно видѣть изъ духовныхъ грамотъ, въ которыхъ иногда означался цвѣтъ одеждъ, отказываемыхъ Великими Князьями дѣтямъ ихъ въ наслѣдство [3]. Какъ особое украшеніе, носимое поверхъ одежды, должно замѣтить золотую гривну, которая на Востокѣ, отъ самой глубокой древности, составляла одну изъ важнѣйшихъ принадлежностей Царскаго убранства, и только за особенныя, чрезвычайныя

---

[1] Въ книгѣ Константина Порфиророднаго объ управленіи Государства, вѣнцы которыхъ, въ числѣ другой Царской утвари, разные Сѣверные народы просили себѣ у Греческихъ Императоровъ, называются также камилавками:... ζέμματα, ἃ παρ' ἡμῶν χαμελαύκια ὀνομάζεται. См. привед. выше мѣсто этого сочиненія. Ибнъ-Фосланъ, говоря объ одеждѣ Русскихъ Князей, упоминаетъ между прочимъ о шитой золотомъ, остроконечной шапкѣ, съ собольимъ околышемъ. *Ibn-Foszlan's* und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, v. C. M. *Frähn.* Spbg. 1823. 4.

[2] См. Русск. лѣтопись съ Воскресенск. списка. Спб. 1793. ч. I, стр. 205.

[3] Ср. духовныя грамоты В. Князей, начиная съ Іоанна Даниловича Калиты, въ I-мъ томѣ Собранія Государств. грамотъ и договоровъ. Москва. 1813. № 21, 22 и другіе.

услуги Государю и государству была жалуема иногда первѣйшимъ по Царяхъ лицамъ, наиболѣе къ нимъ приближеннымъ и отличеннымъ предъ другими, какъ знакъ самой высшей почести [1]. Самое правильное понятіе объ этой части древняго убранства можно себѣ составить по нашимъ старинным св. иконамъ Спасителя, Богоматери и инымъ, обложеннымъ металлическими ризами и украшеннымъ вѣнцами, съ особыми къ нимъ привѣсками на груди, которыя и представляютъ намъ древнѣйшую форму гривны. Такія привѣски или гривны дѣлались обыкновенно изъ одинакаго металла съ вѣнцами, подобно имъ украшались дорогими камнями, и имѣли видъ сегментовъ [2] съ вогнутымъ отсѣкомъ, на подобіе четверти луны [3], или съ не совершенно круглыми, а на подобіе лука, или иной фигуры, изогнутыми краями [4]. Для ношенія на груди, они прикрѣплялись къ цѣпи, или къ ожерелью, надѣваемымъ на шею, къ которой подвязывались иногда такъ близко и плотно, что не могли быть скоро и безъ труда сняты черезъ голову [5]. Впрочемъ, можетъ быть, по самому этому неудобству надѣванія и снятія, а можетъ быть и независимо отъ того, гривны довольно рано замѣнены были золотыми цѣпями, также спускавшимися съ шеи на грудь, но, по длинѣ своей, свободно надѣваемыми и снимаемыми черезъ голову,—

---

1 Быт. XLI. 42. Дан. V. 7, 16, 29.

2 Ср. segmenta Римскихъ матронъ, и vestes segmentatae; у Валерія Максима, Ювенала, въ Комментаріяхъ Сервія на Виргиліеву Энеиду, и у Исидора въ XIX Кн. его Originum sive Etymologiarum.

3 Ср. Луницы гривенныя. Ис. III. 18.

4 Ср. *Гавр. Успенскаго,* Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ. Харьковъ. 1818. Ч. II. стр. 294. Древности Россійскаго Государства. Москва. 1849. Отдѣл. I. стр. 44.

5 См. Притч. Солом. I. 9; и привед. выше мѣста изъ кн. Бытія и Пророч. Даніилова. Ср. Полн. Собр. Русск. Лѣтописей, т. I. стр. 58.

съ привѣшиваемымъ иногда къ нимъ крестомъ, или съ другою металлическою вещію, имѣвшею видъ кружка или розетки, и украшенною дорогими камнями, а также изображеніями Святыхъ, или просто человѣческихъ лицъ и иныхъ фигуръ. Эта послѣдняя привѣска въ такомъ случаѣ называлась также гривною. Но не рѣдко цѣпь сама по себѣ, безъ всякой привѣски, употреблялась въ числѣ другихъ составныхъ частей полнаго наряда, и служила къ его украшенію [1]. Какъ важная отличительная принадлежность внѣшняго сана нашихъ древнихъ Государей, главнѣйшія Великокняжескія одежды были вносимы въ Св. Церкви и вѣшаемы въ нихъ для храненія, на память потомству [2].

Что касается до особаго торжественнаго дѣйствія, которымъ наши древніе Государи ознаменовывали начало своего верховнаго управленія государствомъ: оно замѣчено въ нѣсколькихъ мѣстахъ лѣтописей, относящихся ко вступленію на престолъ Великихъ Князей, уже по введеніи въ наше Отечество Христіанской Вѣры, но только при описаніи тѣхъ случаевъ, когда Князья, долженствовавшіе занять престолъ, были, во время кончины своихъ предшественниковъ, въ отсутствіи изъ столичнаго города, обыкновенно занимаясь управленіемъ своихъ волостей или удѣловъ, а иногда находясь въ военныхъ походахъ. Между тѣмъ какъ такой Князь, въ слѣдствіе получен-

---

[1] Ср. тамъ же, т. II. стр. 34. Древн. Росс. Госуд. Огд. II. стр. 47, 108. Чины вѣнчанія нашихъ Государей на Царство, начиная съ Ц. Θеодора Іоанновича. — Частію замѣченная здѣсь связь гривны съ цѣпью и ожерельемъ, частію же послѣдовавшая замѣна первой второю, были причиною того, что значеніе гривны, какъ одного изъ отличительныхъ знаковъ, или какъ принадлежности полнаго наряда, въ новѣйшія времена сдѣлалось не довольно ясно и опредѣленно, и что гривна принималась иногда за одно и тоже съ цѣпью, или съ ожерельемъ — собственно шейнымъ, а не груднымъ украшеніемъ.

[2] Ср. Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. т. I. стр. 176 и 197.

наго имъ извѣстія о кончинѣ прежняго Государя, а иногда и особаго призванія, чрезъ отправленное къ нему посольство, къ занятію упразднившагося престола, приближался къ столицѣ; ему приготовлялся въ ней торжественный приемъ; весь народъ, предшествуемый Митрополитомъ и прочимъ духовенствомъ со Св. Крестомъ, Церковными хоругвями и иконами, а также высшими и низшими должностными лицами, встрѣчалъ Князя за городскими воротами, и оттуда сопровождалъ въ соборный храмъ Св. Софіи, гдѣ Первосвятитель совершалъ приличное случаю молитвословіе и благословлялъ новаго Государя на великое дѣло государственнаго правленія; за тѣмъ, Государь былъ возводимъ и садился на прародительскомъ престолѣ, или, по выраженію лѣтописей: «на столѣ отнѣ и дѣднѣ» («на столѣ отецъ своихъ и дѣдъ», и т. под.): а правительственные чины и народъ приносили ему поздравленіе, и въ тоже время цѣловали Крестъ въ утвержденіе вѣрности подданства, — если не были уже прежде того приведены къ вѣрноподданнической присягѣ[1]. Само собою разумѣется, что, когда преемникъ престола во время кончины своего предшественника находился въ столицѣ, онъ, вмѣсто описанной встрѣчи у городскихъ воротъ, былъ или такимъ же образомъ встрѣчаемъ предъ соборнымъ храмомъ, или веденъ въ подобной процессіи изъ своихъ чертоговъ: лѣтописцы въ подобныхъ случаяхъ не входятъ въ описаніе подробностей этого предмета.

Изложенный обрядъ торжественнаго вступленія на престолъ наблюдаемъ былъ вообще единообразно, съ не многими только и незна-

---

[1] Ср. описаніе вступленія на престолъ В. Князей: Святополка Изяславича въ 1093 году, Владиміра Всеволодовича Мономаха въ 1113 г., Вячеслава Владиміровича въ 1138 г., Изяслава Мстиславича въ 1146 г., Ростислава Мстиславича въ 1160 г., Всеволода Георгіевича въ 1176 г., Александра Ярославича Невскаго, и другихъ, — въ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. т. I. стр. 93, 134, 161, 202; т. II. стр. 4, 24, 86; ср. стр. 144; ср. также т. I. стр. 177—8. Русск. Лѣтоп. съ Воскрес. списка, ч. II. стр. 231.

чительными измѣненіями, приспособлявшимися къ особеннымъ временнымъ обстоятельствамъ, совершаясь первоначально въ Кіевѣ — древнѣйшемъ стольномъ городѣ Русскихъ Государей, потомъ во Владимірѣ, и наконецъ въ нашей Москвѣ, которая, получивъ преемство, въ своемъ значеніи престольнаго города, отъ обоихъ, предшествовавшихъ ей въ томъ городовъ, для временъ послѣдующихъ сама сдѣлалась первопрестольнымъ городомъ обширнѣйшаго въ свѣтѣ государства.

Такъ было, по всей вѣроятности, въ теченіи почти цѣлыхъ пяти столѣтій, съ начала XI-го до конца XV-го; потому, что хотя первое изъ лѣтописныхъ, вообще не многословныхъ, извѣстій объ этомъ предметѣ относится ко вступленію на Кіевскій Великокняжескій престолъ Святополка Изяславича, прибывшаго для того въ Кіевъ изъ своего удѣльнаго города Турова, по кончинѣ отца своего Изяслава Ярославича, въ 1093 году: однако уже при описаніи перваго вступленія въ Кіевъ Ярослава Владиміровича въ 1016 году, послѣ побѣды надъ Святополкомъ, лѣтописецъ употребилъ выраженіе: «сѣде на столѣ отни и дѣдни»[1]. Если же сравнимъ это выраженіе съ подобными словами, которыя и въ другихъ мѣстахъ лѣтописи обыкновенно употребляются при описаніи торжественной встрѣчи новыхъ Великихъ Князей, сопровожденія ихъ въ храмъ и посажденія на прародительскомъ престолѣ, и сверхъ того примемъ въ соображеніе искони неизмѣнно наблюдаемый нашими православными предками Христіанскій обычай, не начинать никакого важнаго дѣла безъ молитвы къ Богу и испрошенія отъ Него благословенія: то придемъ къ вѣроятному заключенію, что описанное священнодѣйствіе было примѣнено къ первому, за введеніемъ Христіанской Вѣры представившемуся случаю, который, — за отчисленіемъ ока-

[1] Полн. Собр. Русск. Лѣтописей, Т. I. стр. 61.

яннаго Святополка, думавшаго объ утвержденіи своей власти только братоубійствами, — и долженъ быть отнесенъ къ мудрому и благовольному Ярославу. Ни современныя лѣтописныя извѣстія, ни другія сколько нибудь близкія къ описываемымъ происшествіямъ, не упоминаютъ ни о какомъ важномъ изъятіи или отступленіи отъ этого порядка.

Между тѣмъ, ко второму, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже къ первому въ ряду этихъ пяти столѣтій относится историческій фактъ, сколько любопытный самъ по себѣ и важный для сужденія о разсматриваемомъ нами предметѣ, столько же сдѣлавшійся спорнымъ между новѣйшими изслѣдователями исторіи и древностей Отечественныхъ, по причинѣ совершеннаго молчанія о немъ въ современныхъ ему, или, по крайней мѣрѣ, въ сколько нибудь близкихъ къ нему по времени лѣтописяхъ: я разумѣю присылку однимъ изъ Греческихъ Императоровъ къ одному изъ нашихъ древнихъ В. Князей вѣнца, діадимы и другихъ знаковъ Царскаго достоинства, и вѣнчаніе ими нашего Государя, съ провозглашеніемъ его Царемъ Русскимъ, совершенное двумя Архипастырями Греческой Церкви, принесшими съ собою въ Кіевъ эти дары Греческаго Императора.

Самыя первыя по времени извѣстія объ этомъ событіи относятся къ XVI столѣтію, или только къ двумъ послѣднимъ годамъ XV-го [1]; а подробнѣйшій разсказъ какъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя подали къ нему поводъ, такъ и о самомъ отправленіи изъ Греціи и доставленіи въ Кіевъ знаковъ Царскаго достоинства, если судить о

[1] Они находятся въ Степенн. Книгѣ и въ первыхъ Чинахъ Царскихъ вѣнчаній. Въ чинѣ вѣнчанія на Великое Княженіе всея Россіи, совершеннаго надъ внукомъ В. Князя Іоанна III Васильевича, Димитріемъ Іоанновичемъ, въ 1498 году, упомянуто только имя Мономаха въ означеніи вѣнца, возложеннаго на Димитрія, названіемъ шапки Мономаховой.

времени его составленія по тѣмъ спискамъ лѣтописей, въ которыя онъ внесенъ, — не восходитъ выше XVII столѣтія. [1] И однакожъ здѣсь не только описываются съ большою подробностію событія вовсе не упоминаемыя древними лѣтописцами, или несогласныя съ ихъ повѣствованіемъ, но еще приводится точными словами грамота, при которой Греческій Императоръ Алексій Комнинъ препроводилъ къ нашему В. Князю Владиміру Всеволодовичу Мономаху Царскій вѣнецъ одного изъ своихъ предшественниковъ, Константина Мономаха, отца матери Владиміровой, а также скипетръ, діадиму, крестъ златый съ животворящимъ древомъ, гривны и иные Царскіе знаки и дары, съ тѣмъ чтобы Митрополитъ Ефесскій Неофитъ съ двумя другими Греческими Епископами, уполномоченные къ доставленію этихъ даровъ и знаковъ, вѣнчали ими нашего Государя на Царство, и чтобы на будущее за тѣмъ время какъ вѣнчанный ими Великій Князь, такъ и преемники его престола, именовались Царями Русскими. Между тѣмъ, во всѣхъ чинахъ вѣнчанія нашихъ Царей, начиная съ Іоанна IV, на царство говорится, что В. Кн. Владиміръ Мономахъ вѣнчанъ былъ крестомъ животворящаго древа и царскимъ вѣнцемъ и діадимою или бармами, присланными къ нему съ упомянутымъ Митрополитомъ отъ самаго Константина Мономаха. [2] А въ тѣхъ спискахъ Русскаго перевода писанной въ 1561 году на Грече-

---

[1] См. Густинскую лѣтопись, напечат. въ видѣ продолженія Ипатьевской, во II томѣ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп.; стр. 290. Русск. Лѣтоп. съ Воскрес. списка. Спб. 1793. ч. I. стр. 257 и 258. Кіевскій Синопсисъ, или Краткое собраніе отъ различныхъ лѣтописцевъ и пр. Кіевъ 2-е изд. 1823. Стр. 69—72; гдѣ впрочемъ вмѣсто имени Алексія поставлено имя Іоанна. Синопсисъ, и пр., изд. 5-мъ тисненіемъ въ Спб. 1762. стр. 92—96.

[2] См. Чины вѣнчанія на Царство Царей Іоанна Васильевича и Ѳеодора Іоанновича, во II-мъ, Царя Михаила Ѳеодоровича, въ III-мъ томѣ Собранія Государств. грам. и догов., а преемниковъ Ц. Михаила Ѳеодоровича — въ VII-мъ томѣ Древней Россійской Вивліоѳики.

скомъ языкѣ грамоты Константинопольскаго Патріарха Іоасафа и Собора Греческихъ Архіереевъ, о благословеніи Царя Іоанна IV Васильевича на царство и утвержденіи совершеннаго над нимъ Митрополитомъ Макаріемъ Царскаго вѣнчанія, которые имѣлись въ виду нашихъ Историковъ до изданія подлинной грамоты въ 1850 году, имя В. Князя Владиміра поставлено безъ точнѣйшаго опредѣленія его прозваніемъ Мономаха, и притомъ въ такой связи съ именемъ Греческой Царевны Анны, супруги Св. Владиміра Равноапостольнаго, что по смыслу этихъ списковъ, отправленіе Царскаго вѣнца и діадимы, съ другими Царскими знаками, надлежало бы отнести къ брату Анны, не названному здѣсь по имени, а означенному титуломъ «Самодержца и Царя Багрянороднаго Мономаха», слѣдовательно къ Императору Греческому Константину, Соправителю Василія, а вѣнчаніе этими Царскими знаками къ Владиміру, супругу Анны, просвѣтившему Россію ученіемъ Христіанской Вѣры. Такое разнорѣчіе объ одномъ и томъ же предметѣ между разными памятниками Исторіи, и неправильное усвоеніе, въ послѣднемъ изъ нихъ, прозванія Монамаха брату Царевны Анны, а также разстояніе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, отдѣляющее кончину Греческаго Императора Константина Мономаха отъ начала Великокняженія нашего Владиміра Мономаха, которые между тѣмъ въ чинахъ Царскаго вѣнчанія представляются жившими и дѣйствовавшими современно, сдѣлавшись источникомъ сбивчивости и смѣшенія именъ двухъ Константиновъ Греческихъ и двухъ Русскихъ Владиміровъ, подали новѣйшимъ изслѣдователямъ Отечественной Исторіи поводъ къ различнымъ предположеніямъ и заключеніямъ относительно самаго событія и лицъ, въ немъ участвовавшихъ. Одни изъ этихъ ученыхъ, если не отвергали прямо и положительно вообще дѣйствительности чьего бы то ни было вѣнчанія во времена, предшествовавшія вѣнчанію Димитрія Іоанновича на Великокняженіе отцемъ его Іоанномъ III, то по крайней мѣрѣ выражали болѣе или менѣе ясно и сильно свое сомнѣніе въ достовѣр-

ности разсказа позднѣйшихъ писателей о столь отдаленномъ отъ нихъ событіи, о которомъ ближайшіе къ нему по времени Лѣтописцы вовсе не упоминаютъ [1]. Другіе, кромѣ вѣнчанія Владиміра Мономаха, какъ несомнѣнно утвержденнаго древнѣйшимъ преданіемъ, перешедшимъ потомъ въ письменные памятники исторіи, восходящіе къ началу XVI или даже къ концу XV столѣтія, допускали еще вѣнчаніе Св. Владиміра Равноапостольнаго, какъ удостовѣряемое формальнымъ актомъ, составленнымъ на соборѣ Греческихъ Святителей, подвергавшихъ этотъ предметъ внимательному разсмотрѣнію и основавшихъ свое заключеніе на преданіяхъ многихъ достовѣрныхъ мужей и на письменныхъ свидѣтельствахъ Хронографовъ [2]. Иные утверждали, что только совершеніе вѣнчанія надъ этимъ первымъ изъ нашихъ Христіанскихъ Государей и можетъ быть признано за несомнѣнное; такъ какъ оно удостовѣрено единственнымъ документальнымъ извѣстіемъ о присылкѣ Царскихъ знаковъ и вѣнчаніи ими, содержащимся въ грамотѣ Константинопольскаго Патріарха; что отнесеніе Царскаго вѣнчанія къ Владиміру Мономаху основано на ошибкѣ, изобличаемой анахронизмомъ, который однажды вкравшись въ чины Царскихъ вѣнчаній, укоренился глубоко тѣмъ самымъ, что былъ повторяемъ въ нихъ непрерывно въ теченіи цѣлаго столѣтія; и что вообще не извѣстно, какимъ образомъ вѣнчались Великіе Князья Кіевскіе, Суздальскіе и Московскіе [3].

---

[1] На примѣръ, Митр. Платонъ, въ своей Краткой Церковной Россійской Исторіи. Москва. 1805. Ч. I. стр. 355 и 356. Карамзинъ въ Исторіи Россійскаго Государства, т. II. стр. 144 и 145, и примѣч. 220; т. VIII. стр. 88; по 1-му изданію. Спб. 1816.

[2] Напримѣръ, И. Катаевъ, въ соч. о Священномъ вѣнчаніи и помазаніи Царей на Царство. Спб. 1847; стр. 69—76.

[3] На примѣръ, П. Строевъ, въ Указателѣ къ Выходамъ Государей Царей и В. Князей и пр. Москва. 1844; подъ словами: Мономаховы регаліи.

Наконецъ, нѣкоторые принимая въ соображеніе общій, издавна существовавшій въ Христіанскомъ мірѣ обычай, вѣнчать первыхъ обращающихся къ Христіанству Государей Царскими знаками, присылаемыми отъ Греческихъ Императоровъ, если новообращенные присоединялись къ Восточной Церкви, и отъ Папъ, если они вступали въ союзъ Церкви Западной, и за тѣмъ передавать эти знаки, какъ завѣтную святыню преемникамъ первообращенныхъ Государей, для такого же употребленія, прилагаютъ это общее правило и къ нашему первому Христіанскому Государю, и къ преемникамъ его, вообще, не ограничивая примѣненія его ни какими либо опредѣленными лицами, ни какимъ либо періодомъ времени; а молчаніе о томъ нашихъ древнихъ лѣтописцевъ объясняютъ тѣмъ, что Царскія вѣнчанія Великихъ Князей относились къ обрядамъ Церкви, и сверхъ того, во время владычества Монголовъ не имѣли особенной торжественности; что за введеніемъ, при Дворѣ В. Кн. Іоанна III, заимствованнаго отъ Византійскаго Императорскаго Двора великолѣпія, обрядъ вѣнчанія Димитрія Іоанновича, безъ сомнѣнія, былъ торжественнѣе прежнихъ обрядовъ, и могъ казаться чѣмъ-то новымъ, невиданнымъ на Руси; и что относящееся къ этому же времени установленіе у насъ Дворцовой лѣтописи для записки разныхъ предметовъ и событій въ Царскомъ Дворѣ, а также распоряженій по дѣламъ государственнаго правленія, могло быть причиною, что лѣтопись сохранила чинъ вѣнчанія на царство внука Іоаннова Димитрія [1]. Между двумя крайними противоположными предѣлами, до которыхъ доходятъ, изъ числа приведенныхъ предположеній, одно, если не отвергающее прямо, то по крайней мѣрѣ, подвергающее сомнѣнію чье бы то ни было Царское вѣнчаніе прежде конца XV, или точнѣе, половины почти XVI столѣтія, — такъ какъ Князь Димитрій Іоанновичь былъ вѣнчанъ не на Царство, а на Великое Княженіе, — и дру-

---

[1] См. Древности Росс. госуд. Отд. II, введеніе, стр. VIII—XI.

гое, распространяющее Царское вѣнчаніе на всѣхъ нашихъ Великихъ Князей, начиная съ Св. Владиміра Равноапостольнаго, трудно было бы найти средину, наиболѣе подходящую къ истинѣ, иначе какъ оставивъ всѣ вновь составленныя предположенія и возвратившись къ тому повѣствованію, которое, съ одной стороны, подтверждается самою давностію письменнаго изложенія, существующаго уже болѣе двухъ съ половиною столѣтій, и основаннаго на древнѣйшемъ устномъ, а можетъ быть, и письменномъ, не дошедшемъ до насъ, преданія; а съ другой стороны, имѣетъ оффиціальный характеръ и правительственный авторитетъ какъ въ нашемъ Отечествѣ, такъ и въ Греціи. У насъ оно повторялось почти во всѣхъ чинахъ вѣнчанія Государей на царство въ XVI и XVII столѣтіяхъ, гдѣ, во первыхъ, сами составители нѣкоторыхъ чиновъ, — лица должностныя, хотя не извѣстныя намъ по своему имени, говоря о возложеніи Первосвятителемъ на вѣнчаемаго Царя златаго Креста съ частію древа Животворящаго Креста Господня, присовокупляютъ, что «прислалъ тотъ животворящій крестъ Греческій Царь Константинъ Мономахъ на поставленіе Великимъ Княземъ Русскимъ, съ бармами и шапкою, съ Неофитомъ, Ефесскимъ Митрополитомъ и съ прочими посланники»; и во вторыхъ, что́ еще важнѣе, въ самыя рѣчи, которыя обыкновенно произносили предъ началомъ вѣнчанія, сперва Царь, а потомъ въ отвѣтъ ему, Митрополитъ или Патріархъ, включались между прочимъ слѣдующія слова: «отъ благочестиваго Великаго Князя Владиміра Всеволодича, иже превысочайшую честь, Царскій вѣнецъ и діадиму, отъ Греческаго Царя Константина Мономаха воспріимъ, сего ради и Мономахъ наречеся» и пр. [1] Въ Греціи оффиціальность его основывается на упомянутой уже соборной грамотѣ, для

[1] Ср. чины вѣнчанія Царей Іоанна Васильевича, Өедора Іоанновича, Михаила Өеодоровича, Өеодора Алексѣевича, Іоанна и Петра Алексѣевичей, — въ Собр. Госуд. грам. и догов. т. II и III, и въ Древн. Росс. Вивліоө. т. VII.

полученія которой Царь Іоаннъ Васильевичь отправлялъ въ Константинополь извѣстныя духовныя лица, и которая составлена Константинопольскимъ Патріархомъ Іоасафомъ по совѣщаніи съ 36 Греческими Митрополитами, Архіепископами и Епископами. Въ ней также, съ указаніемъ на приведенныя выше историческія свидѣтельства, ясно выражено, что благочестивѣйшій Царь Константинъ Мономахъ, съ благословенія тогдашняго Патріарха и священнаго Архіерейскаго собора, пославъ тогдашняго священнѣйшаго Митрополита Ефесскаго и Антіох...., вѣнчали въ Царя благочестивѣйшаго Великаго Князя Владиміра, и даровали ему тогда Царскій вѣнецъ на главу, и.... діадиму, и другіе Царскіе знаки и одежды. [1]

Изданіе въ свѣтъ подлиннаго текста этой грамоты, который дотолѣ не былъ въ виду, кажется, ни одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей Отечественной Исторіи, въ томъ числѣ и нашего знаменитаго Исторіографа, [2] устраняетъ нѣкоторыя затрудненія, подававшія

---

[1] Соборная грамота Духовенства Православной Восточной Церкви, утверждающая санъ Царя за В. Кн. Іоанномъ IV Васильевичемъ, 1561 года. Съ Высочайшаго соизволенія издана К. М. А. Оболенскимъ. М. 1850. 4. — Въ ней на стр. 11: *Ἐπεὶ γὰρ Μονόμαχος δε ὁ εὐσεβέστατος βασιλεὺς Κονσταντῖνος.... τότε πατριάρχου, καὶ τῆς τηνικαῦτα ἱερᾶς τῶν ἀρχιερέων συνόδου, ἀποστείλαντες τὸν τότε ἱερώτατον μιτροπολίτην Ἐφέσου καὶ τὸν τῆς Ἀντιοχ.... ἔστεψαν εἰς βασιλέα τὸν εὐσεβέστατον Βελὶκ Κνὲς Βολοντῖμοινον καὶ ἐδωρήσαντο αὐτῷ τό τε βασιλικὸν στέμμα ἐπὶ τῆς κεφαλῆς καὶ τὸ μετὰ.... διάδημα, καὶ τἄλλα βασιλικὰ σημεῖα καὶ ἄμφια.* Въ мѣстахъ, отмѣченныхъ точками, недостаетъ въ Греческомъ подлинникѣ нѣсколькихъ словъ на протершемся пергаменѣ. Въ Русскомъ переводѣ XVII вѣка, на первомъ мѣстѣ стоитъ: «со» за тѣмъ пропускъ, а далѣе: «тогдашняго Патріарха»; на второмъ: «Антіохійскаго Патріарха»; а въ современномъ переводѣ: «Антіохійскаго изрядноначальнѣйшаго Епарха»; въ третьемъ: «съ каменіемъ честнымъ».

[2] Въ прим. 160 къ VIII тому Исторіи Госуд. Росс., Карамзина, помѣщенъ худшій, т. е. неправильнѣйшій изъ двухъ Русскихъ переводовъ Греческой

поводъ частію къ сомнѣнію въ достовѣрности разсматриваемаго событія вообще, частію же къ особымъ предположеніямъ, составленнымъ для его объясненія. Такъ во первыхъ, здѣсь вовсе нѣтъ смѣшенія и усвоенія одному и томуже Греческому Императору двухъ прозваній: Багрянороднаго и Мономаха, не совмѣстимыхъ въ лицѣ его. Напротивъ, братъ Греческой Царевны Анны, къ которой возводится родъ нашего Царя Іоанна IV, прямо и ясно означенъ здѣсь именемъ Василія, того изъ двухъ Греческихъ Императоровъ, который, по смерти Іоанна Цимисхія, получивъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Константиномъ, принадлежавшую имъ по праву наслѣдственному верховную власть, во все время своей жизни одинъ былъ главнымъ дѣятелемъ въ государственномъ правленіи [1]; а о Соправителѣ его Константинѣ въ подлинной грамотѣ вовсе не упоминается. Напротивъ того, сколько ясно, столько же и отдѣльно отъ брата Анны Василія, выставляется здѣсь Константинъ Мономахъ виновникомъ посылки Царскихъ знаковъ къ В. Князю Владиміру, подъ которымъ уже конечно, ни въ какомъ случаѣ нельзя разумѣть, по точному смыслу и связи словъ въ этой грамотѣ, Св. Равноапостольнаго Владиміра; потому что въ противномъ случаѣ надлежало бы допустить въ ней неразрѣшимый анахронизмъ. Между тѣмъ, тотъ анахронизмъ, который обыкновенно былъ предполагаемъ въ приведенныхъ выше выраженіяхъ нашихъ чиновъ вѣнчанія на царство, и который, если признать его дѣйствительнымъ, надлежало

грамоты, напечатанныхъ вмѣстѣ съ подлиннымъ ея текстомъ въ приведенномъ изданіи Кн. Оболенскаго, — тотъ, который означенъ здѣсь названіемъ современнаго. Другой, болѣе правильный переводъ, сдѣланный въ XVII вѣкѣ, безъ сомнѣнія не былъ извѣстенъ Исторіографу, равно какъ и подлинная грамота; въ противномъ случаѣ, онъ не преминулъ бы выставить важныя различія между нимъ и имѣвшимся у него въ виду переводомъ.

[1] См. въ лѣтописяхъ Іоанна Зонары, по привед. выше изд., листъ 163 на оборотѣ, столб. 2; ср. л. 164 на об., столб. 2.

бы равномѣрно отнести къ подлинной Греческой грамотѣ, можетъ быть разрѣшенъ, коль скоро допустимъ, вмѣстѣ съ почтеннымъ издателемъ этой грамоты, что Константинъ Мономахъ, умершій въ 1054 году, не оставивъ послѣ себя потомства по мужескому колѣну, прислалъ Царскіе знаки къ сыну своей дочери, Владиміру Всеволодовичу, родившемуся въ 1052 году, и слѣдовательно имѣвшему, во время смерти дѣда своего по матери, около двухъ годовъ отъ рожденія, — желая передать ему Царское достоинство вмѣстѣ съ своими регаліями; такъ что самое прозваніе Мономаха, приданное Владиміру его родителями, было послѣдствіемъ полученія Царскихъ знаковъ и вѣнчанія его этими знаками еще во младенчествѣ.[1] Если это объясненіе и несогласно съ весьма поздними, какъ уже замѣчено выше, лѣтописными извѣстіями, по которымъ Владиміръ Мономахъ получилъ изъ Греціи знаки Царскаго достоинства уже во время своего Великокняженія: то по крайней мѣрѣ имъ уничтожается странное недоразумѣніе, которое въ противномъ случаѣ надлежало бы допустить, какъ повторяемое въ теченіи цѣлыхъ полутора столѣтій, отъ Іоанна IV-го до Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей включительно, и подтверждаемое Соборомъ Духовныхъ властей, представителей Греческой Церкви. Во всякомъ случаѣ, сущность дѣла, заключающаяся въ дѣйствительности разсматриваемаго событія, остается неприкосновенною при этомъ разногласіи, касающемся только до внѣшней его обстановки, которую, за недостаткомъ современныхъ, или по крайней мѣрѣ, сколько нибудь близкихъ къ событію извѣстій, не возможно привести въ желаемую ясность;

---

[1] См. Соборн. грам. и проч., стр. 6—8. Въ чинѣ вѣнчанія на царство Іоанна IV Васильевича, между прочимъ, сказано:... «вѣнчанъ бысть на царство Русское прародитель его Князь Великій Владимеръ, *нареченъ въ Царской порфирѣ Манамахъ*. Собр. Госуд. грам. и догов. т. II. № 33.

равно какъ и сомнѣнію, невольно возникающему при царскомъ вѣнчаніи младенца, не имѣвшаго прямаго и ближайшаго права на престолонаслѣдіе въ Россіи, можно противопоставить только общее соображеніе существовавшаго у насъ въ то время порядка престолонаслѣдія, по которому Владиміръ Мономахъ и въ самые первые годы своей жизни могъ быть разсматриваемъ, какъ одинъ изъ будущихъ законныхъ преемниковъ Великокняжескаго престола. По крайней мѣрѣ, относительно отца его Всеволода, мы находимъ въ древней лѣтописи ясное свидѣтельство о томъ, что уже В. Князь Ярославъ Владиміровичъ, хотя оставлялъ по себѣ многихъ сыновъ, между которыми Всеволодъ былъ самый младшій, имѣлъ однако въ виду будущее законное вступленіе на Великокняжескій престолъ этого, болѣе всѣхъ другихъ любимаго имъ сына, по очереди престолонаслѣдія, долженствовавшей неизбѣжно дойти до него въ естественно предполагаемомъ случаѣ, что онъ, какъ младшій, переживетъ старшихъ своихъ братьевъ. «Аще ти подастъ Богъ прияти власть стола моего по братьи своей, съ правдою, а не насиліемъ», и проч. говорилъ Ярославъ Всеволоду не за долго предъ своею кончиною.[1] Позднѣйшія событія Отечественной Исторіи показали, что это благопожеланіе прозорливаго отца не осталось безплоднымъ и для потомства сына, заслужившаго преимущественное его вниманіе: Владиміръ Мономахъ своими многочисленными, славными подвигами и неусыпнымъ попеченіемъ о благѣ Отечества снискалъ такую любовь народа не только къ себѣ, но и къ отдаленному своему потомству, которая сперва призвала его самаго на Великокняжескій престолъ, а затѣмъ утвердила и дальнѣйшее преемство этого престола въ его племени, съ удаленіемъ отъ него потомства старшихъ сыновъ Ярославовыхъ, и вообще всѣхъ другихъ отраслей древняго Великокняжескаго Дома.

---

[1] См. Лаврент. лѣтоп., въ Собр. Русск. Лѣтоп. т. I. стр. 92.

При этомъ, не должно упускать изъ вида еще того обстоятельства, что въ извѣстныхъ намъ письменныхъ памятникахъ древности, Владиміру Мономаху, котораго происхожденіе отъ смѣшенія Царской и Княжеской крови, и заключающееся въ немъ Царское помазаніе, современный ему Митрополитъ Никифоръ, выставляетъ на видъ, какъ предуставленное самимъ Богомъ, и какъ высокое преимущество этого члена Русскаго Великокняжескаго Дома предъ всѣми другими, [1] первому изъ нашихъ Государей придано и со стороны подданныхъ наименованіе Царя, — хотя это сдѣлано въ рѣчи, обращенной не прямо къ нему, а къ одному изъ сыновъ его. «Помилуй мя, сыне *Великаго Царя* Владимера» говоритъ Даніилъ Заточникъ въ посланіи своемъ къ Георгію Владиміровичу Долгорукому. [2] А за тѣмъ, при ближайшихъ потомкахъ Владиміра Мономаха, *титулъ Царскій* началъ входить въ довольно частое употребленіе въ нашемъ Отечествѣ, будучи прилагаемъ къ Великимъ Князьямъ не только самими лѣтописцами, отъ собственнаго ихъ лица, при описаніи разныхъ событій Отечественной Исторіи, но и другими лицами въ рѣчи, письменно или устно обращаемой къ этимъ Государямъ, и, въ томъ числѣ такими членами Великокняжескаго Дома, которые владѣли значительными удѣлами, и сверхъ того, предъявляли, а отчасти и осуществляли на самомъ дѣлѣ, притязанія на занятіе Великокняжескаго престола. Такъ напримѣръ, тотъ самый Князь Георгій Владиміровичь, сперва Удѣльный Суздальскій, а въ послѣдствіи времени и Великій Кіевскій, въ посланіи къ которому отецъ его названъ Великимъ Царемъ, обращаясь къ племяннику своему Изя-

---

[1] См. Посланіе отъ Никыфора Митрополита Кыевскаго въ Володимиру Князю всея Руси, сыну Всеволожу, сына Ярославля. Въ Русскихъ Достопамятностяхъ. Часть. 1. Москва. 1815.

[2] См. въ Памятникахъ Россійской Словесности XII вѣка, изданныхъ К. Калайдовичемъ. М. 1821. стр. 251.

славу Мстиславичу, занимавшему Великокняжескій престолъ, съ просьбою дать сыну его Ростиславу въ волость южный Переяславль, употребляетъ, между прочимъ, такія выраженія:... «дай ми Переяславль, ать посажю сына своего у Переяславли, а ты *сѣди царствуя* въ Кіевѣ».... [1] Послѣ побѣды Изяслава Мстиславича надъ тѣмъ же Георгіемъ Владиміровичемъ, вытѣснившимъ его на время съ Великокняжескаго престола, воины Изяславовы, опознавъ, на полѣ сраженія, своего Государя, раненаго и подвергавшагося опасности жизни, по словамъ лѣтописца: «всхитиша ѝ руками своими съ радостью, яко *Царя и Князя* своего, и тако взваша «кирелѣисонъ» «вси полци радующеся».... [2] и пр. О кончинѣ этого Государя лѣтописецъ говоритъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:... «разболѣся В. Князь Кіевскій Изяславъ, честный, благовѣрный и Христолюбивый, славный Изяславъ Мстиславичь, внукъ Володимерь, и плакася по немъ вся Русская земля и вси Черніи Клобуци, яко по *Цари и Господинѣ* своемъ, наипаче же яко по отци».... [3] Самыя области, состоявшія въ обладаніи этого В. Князя, называются въ лѣтописи *Царскими землями*: «приде Изяславъ къ брату Ростиславу» (Смоленскому).... «и пребыста у велицѣ любви и въ весельи, съ мужи своими и Смолняны; и ту дариста ся, даръми многыми, Изяславъ да дары Ростиславу что отъ Рускыи землѣ и отъ всихъ *Царьскихъ земль*».... [4] и пр. Объ одномъ изъ дѣйствій правительственной власти В. Кн. Андрея Георгіевича лѣтописецъ выражается такимъ образомъ: «спасе (Богъ) рабы своя.... *рукою* благочестивою *Царскою* правдиваго и благовѣрнаго Князя Андрея.» [5] Разсуждая, по

---

[1] См. Ипат. Лѣтоп., въ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. т. II. стр. 43.
[2] Тамъ же, стр. 64.
[3] Тамъ же, стр. 74.
[4] Тамъ же, стр. 39.
[5] См. Лаврент. Лѣтоп. стр. 152.

поводу кончины этого Государя, о необходимости заповѣданнаго Апостоломъ Павломъ повиновенія властямъ предержащимъ, яко учиненнымъ отъ Бога (Римл. XIII. 1—2), составитель другой лѣтописи, съ очевиднымъ примѣненіемъ къ скончавшемуся говоритъ: естествомъ бо *Царь* земнымъ» (по другому чтенію: земный) «подобенъ есть всякому человѣку, властью же сана высши, яко Богъ»[1].... и пр. Въ молитвенномъ обращеніи лѣтописца къ Богу о братьяхъ того же Государя читаемъ: да подастъ имъ побѣду на противныѣ и мирную державу, и *царство* честьно и многолѣтно. [2] Общее сличеніе всѣхъ приведенныхъ мѣстъ въ нашихъ лѣтописяхъ показываетъ, что титулъ Царскій, бывъ приданъ въ первый разъ тому самому Государю, къ которому, по всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ, должно быть отнесено первое Царское вѣнчаніе на святой Руси, сдѣлался у насъ довольно употребителенъ уже въ продолженіи того самаго столѣтія, въ началѣ котораго занималъ престолъ Кіевскій и всея Руси этотъ доблестный Государь, «добрый страдалецъ за Русскую землю»[3], въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій бывшій душею всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ ко благу Отечества: и первымъ благоразумнѣйшимъ совѣтникомъ въ сужденіи о нихъ, и самымъ бодрымъ, дѣятельнымъ ихъ исполнителемъ, словомъ, Государь, вполнѣ заслужившій Царское достоинство и своими дѣяніями оправдавшій этотъ титулъ, ему присвоенный. А отсюда можемъ заключать, что, по всей вѣроятности, употребленіе Царскаго титула сдѣлалось бы у насъ въ скоромъ времени всеобщимъ и постояннымъ, если бы неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла Божія не угодно было. прежде возведенія Россіи на степень одного изъ величайшихъ царствъ въ мірѣ, очистить ее

---

[1] Ипат. Лѣтоп. стр. 115.

[2] Тамъ же, стр. 116.

[3] Тамъ же, стр. 10.

долговременнымъ и тяжкимъ испытаніемъ, подвергнувъ игу владыкъ варварскаго народа, которые, въ теченіи почти двухъ съ половиною столѣтій, одни именовались Царями въ нашихъ оффиціальныхъ актахъ и въ самой общенародной рѣчи, и къ которымъ однимъ относились дошедшія до насъ изъ тѣхъ вѣковъ, посредствомъ народнаго преданія, пословицы: «до Бога высоко, до Царя далеко», «близь Царя, близь смерти», и подобныя. Впрочемъ, и въ это время къ тѣмъ Государямъ, которые наиболѣе прославились знаменитыми дѣяніями на пользу Отечества, по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ родѣ рѣчи могло быть прилагаемо наименованіе Царя, а къ верховному ихъ правленію — Царства. Такъ, на примѣръ, въ «современной повѣсти о житіи и о храбрости Благовѣрнаго и Великаго Князя Александра» (Невскаго), котораго имя, ознаменованное множествомъ, одна другой славнѣйшихъ, побѣдъ надъ врагами «нача слыти по всѣмъ странамъ, и до моря Хонужьскаго, и до горъ Араратскихъ, и объ ону страну моря Варяжьскаго, и до великаго Риму», — въ часъ кончины котораго Митрополитъ Кирилъ съ горестію воскликнулъ:... «уже зайде солнце Суздальской земли»; а народъ, услышавъ эту плачевную вѣсть, возопилъ: «уже погыбаемъ», — жизнеописатель предъ изложеніемъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ этой кончинѣ, говоритъ»:... «пострадаже Богови крѣпко, остави же *земное царство*», и пр.[1] А о славномъ первоначальникѣ Донской битвы, которой званіе увѣковѣчено современниками и потомствомъ, какъ отличительное имя этого Верховнаго Вождя соединенныхъ тогда на побѣду надъ врагами Русскихъ силъ, жизнеописатель его говоритъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «*Великій Царь* Димитрій *Русскыя земли.... на престолѣ сѣдяше...., Царскую багряницу и вѣнецъ носяще, Царскый санъ*

---

[1] См. Псков. вторую Лѣтопись, въ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. т. V, стр. 2, 4—6.

держаше...., Себе именуеть Руской земли Царя». Въ этихъ последнихъ словахъ жизнеописатель повторяетъ изветъ, принесенный Мамаю врагами и завистниками Димитрія. А Князья Русскіе и вельможи начинаютъ ответъ свой на речь, въ которой онъ призывалъ ихъ положить головы за православную Веру, за города Русскіе и Св. Церкви Божіи, за женъ и детей своихъ, словами: «*Господине Русскый Царю*». Въ другой, предсмертной речи, Димитрій говоритъ имъ:... «съ вами *царствовахъ* и землю Рускую дръжахъ».... Далее, въ разсказе составителя жизнеописанія:... «Сій же убо, Богомъ дарованную пріимъ власть и съ Богомъ все творя, веліе *Царство* створи и настоліе земли Русской яви»; . . . и т. д. [1] Въ начале же XIV столетія, В. Князь Василій Димитріевичь въ одномъ мирномъ договоре Псковитянъ съ Ливонскимъ Орденомъ, заключенномъ при посредстве этого Государя, титулованъ «Великимъ Княземъ или Королемъ Московскимъ, Императоромъ Русскимъ»[2]. Такимъ образомъ, и въ тяжкую для Россіи годину не прошло ни одного столетія, въ которомъ бы титулъ Царскій не былъ употребленъ въ примененіи къ тому или другому изъ ея Государей, въ томъ или другомъ роде речи.

Между темъ знаки Царскаго достоинства, принадлежавшіе первоначально Греческому Императору Константину Мономаху, а потомъ, по передаче отъ него, нашему В. Князю Владиміру Мономаху, не смотря на все замешательства, нарушавшія спокойствіе и порядокъ въ нашемъ Отечестве, тщательно сохранялись, какъ драгоценная для государства святыня, и передавались отъ однихъ Великихъ Князей къ другимъ, преемникамъ верховной ихъ

---

[1] См. «Слово о житіи и о преставленіи В. Кн. Дмитрія Ивановича, Царя Русьскаго,» написанное однимъ изъ современниковъ этого Государя, и внесенное въ разныя летописи; въ Полн. Собр. Русск. Лет. т. IV. стр. 349 и сл.

[2] См. Ист. Госуд. Росс., Карамзина, т. V. прим. 202.

власти, какъ то можно видѣть изъ дошедшихъ до насъ духовныхъ грамотъ Государей, принадлежащихъ къ дому В. Кн. Іоанна Даниловича Калиты, —начиная отъ самаго этого Родоначальника Великихъ Князей Московскихъ, и продолжая до В. Князя Василія Васильевича, —гдѣ между другими драгоцѣнностями, завѣщаваемыми отъ отцевъ сыновьямъ, упоминаются: золотая цѣпь съ золотымъ крестомъ (а въ духовной грамотѣ В. Кн. Іоанна III Васильевича; «крестъ животворящее древо въ рацѣ Цареградской»), шапка золотая, бармы, коробка сердоничная (или. сердоличная) золотомъ кована (небольшая чаша, употребляемая при мvропомазаніи нашихъ Государей). [1]

Наконецъ, година ниспосланнаго Небомъ испытанія миновалась, наступило время окончательнаго освобожденія Отечества отъ чуждаго ига, руки его взошли на плещи враговъ нашихъ, —какъ въ пророческомъ духѣ предсказывалъ Родоначальнику Московскаго Великокняжескаго Дома Первосвятитель Православной Русской Церкви, первый опочившій въ маломъ еще тогда сравнительно съ другими, а нынѣ столь обширномъ и великолѣпномъ, первопрестольномъ градѣ Русскаго государства. Пришло время, и древнему Царскому вѣнцу съ діадимою, то есть, св. бармами, изъ мѣста сокровеннаго храненія явиться очамъ всего народа въ новосозданномъ Возсоздателемъ величія Россіи, величественномъ Соборномъ

---

[1] См. духовныя грамоты В. Князей: Іоанна Даниловича, Іоанна Іоанновича, Димитрія Іоанновича, Василія Димитріевича, Василія Васильевича, въ Собр. Госуд. грам. и договор. т. I. № 21, 22, 25, 26, 30, 34, 39, 41, 42, 86. Въ духовной грамотѣ В. Кн. Іоанна III Васильевича, кромѣ крестовъ и св. иконъ, прочіе предметы порознь не упоминаются, а за отдѣленіемъ драгоцѣнностей, положенныхъ для каждаго изъ младшихъ сыновъ его въ особый ларецъ, всѣ остальныя вообще предоставляются старшему сыну и преемнику престола Василію Іоанновичу. Тамъ же, № 144.

храмѣ Богоматери, и имени *Царя* быть торжественно провозглашену въ томъ же храмѣ во услышаніе всего народа. Но какъ во многихъ другихъ дѣлахъ человѣческихъ не рѣдко случается, что полный успѣхъ бываетъ послѣдствіемъ не перваго опыта, а повторенныхъ усилій къ достиженію предположенной цѣли; такъ и въ этомъ важномъ государственномъ дѣлѣ первый опытъ не былъ еще дѣйствіемъ совершеннымъ, и благословеніе давалось здѣсь только на Великое Княженіе Володимирское, Московское и Новгородское; и именованіе Царя усвоялось не благословляемому, а тому Государю, который разсѣявъ мракъ, долго закрывавшій Россію отъ взоровъ западныхъ Европейскихъ Державъ, въ сношеніяхъ съ ними и самъ употреблялъ титулъ Царскій, и отъ первѣйшихъ между ними былъ почтенъ признаніемъ и усвоеніемъ ему этого титула. Къ нему-то обращался Митрополитъ Симонъ, по совершеніи священнодѣйствія, съ такимъ привѣтствіемъ: «Божіею милостію, радуйся и здравствуй, преславный Царю Иване, всея Русіи Самодержецъ», ...«на многа лѣта.»[1] Силамъ Россіи надлежало еще укрѣпиться и созрѣть до той степени, на которой она сама могла бы покорять царства враговъ своихъ подъ свою державу; и вотъ, спустя полвѣка послѣ перваго опыта, юный Государь, долженствовавшій ознаменовать себя славою такихъ побѣдъ и завоеваній, вѣнчается уже на *Царство Русское*, возложеніемъ на него животворящаго креста и Царскаго вѣнца и діадимы, которыми вѣнчанъ былъ прародитель его, Князь Великій Владиміръ Мономахъ; и это вѣнчаніе сопровождается, въ ближайшіе за нимъ годы, паденіемъ къ ногамъ нашего Государя царствъ Казанскаго и Астраханскаго, и распространеніемъ верховнаго обладанія его до ущелій Кавказскаго горнаго хребта; а подъ конецъ этого перваго въ

---

[1] См. чинъ вѣнчанія на Великое княженіе всея Россіи, Князя Димитрія Іоанновича, 1498, Февраля 4; въ Собр. Госуд. грам. и догов. т. II. № 25.

Россіи царствованія, горсть храбрецовъ, отвлеченныхъ отъ зла и направленныхъ къ добру внушеніями знаменитыхъ сколько своимъ богатствомъ, столько же и благонамѣренностію, подданныхъ, бьетъ челомъ Государю ея новымъ Царствомъ Сибирскимъ.

Столь счастливыми и славными для Отечества событіями сопровождавшееся, первое Царское вѣнчаніе, въ которомъ и Православная Восточная Греческая Церковь съ радостію приняла заочное участіе, посредствомъ благословенія на царство, преподаннаго Царю, по его желанію, первенствующимъ въ ней Патріархомъ и соборомъ высшихъ духовныхъ властей,[1] послужило начальнымъ звеномъ для цѣлаго ряда вѣнчаній, съ того времени и доселѣ непрерывно повторяющихся при каждомъ вступленіи вновь нашихъ Государей на престолъ Всероссійскій. При чемъ, мало по малу, и число знаковъ Царскаго достоинства увеличилось присоединеніемъ новыхъ къ прежде употреблявшимся, и самый торжественный обрядъ возложенія ихъ пополнился новыми молитвами и чтеніями изъ Св. Писанія и въ особенности присовокупленіемъ къ нему таинственнаго мѵропомазанія. Это священное дѣйствіе, введенное въ нашей Церкви, безъ сомнѣнія, по указанію Церкви

---

[1] См. привед. выше Соборную грамоту, которой существенное содержаніе заключается въ слѣдующихъ словахъ: *τῇ ἐνεργείᾳ καὶ χάριτι τοῦ παναγίου καὶ ζωαρχικοῦ καὶ τελεταρχίκου πνεύματος, ἐπιχορήγει καὶ ἐπιβραβεύει* (Патріархъ съ Соборомъ Митрополитовъ и Епископовъ) *τῷ ῥηθέντι Βασιλεῖ κυρίῳ Ἰωάννῃ τοῦ εἶναι καὶ ὀνομάζεσθαι αὐτὸν εἰς Βασιλέα νόμιμον καὶ εὐσεβέστατον, ἐστεμμένον καὶ παρ᾽ ἡμῶν νομίμως ἅμα καὶ ἐκκλεσιαστικῶς.* Стр. 12. Въ грамотѣ Царя Іоанна къ Патріарху Іоасафу 1557 года: . . . «и намъ бы еси о нашемъ вѣнчаньѣ благословенье свое соборнѣ отписалъ своею грамотою». . . . А въ наказѣ Архимандриту Ѳеодориту, посланному съ этою грамотою; . . . «Ѳеодориту. . . говорити, чтобы Патріархъ послалъ ко Царю и Великому Князю благословенье о Царскомъ вѣнчаньѣ отъ себя и отъ всего собора Константинопольскаго». Тамъ же, стр. 33 и 34.

Греческой, посредствомъ доставленной отъ Патріарха Константинопольскаго Іоасафа книги Царскаго поставленія, [1] встрѣчаемъ уже въ чинѣ вѣнчанія на царство сына Іоаннова Θеодора въ 1584 году. Оно совершено на Божественной Литургіи, слѣдовавшей непосредственно за обрядомъ вѣнчанія, въ то время, когда окончено было пѣніе причастна, обыкновенно сопровождающее причащеніе въ алтарѣ Священнослужителей. Самъ Царь, вслѣдъ за мѵропомазаніемъ, также пріобщенъ Св. Таинъ. Что касается до обряда вѣнчанія Царя Θеодора Іоанновича, въ немъ усматриваемъ новый, прежде не употреблявшійся знакъ Царскаго достоинства, — скипетръ, который Митрополитъ вручилъ Царю послѣ возложенія на него животворящаго креста, св. бармъ и Царскаго вѣнца. Предъ самымъ врученіемъ скипетра, Митрополитъ, взявъ Царя за руку, поставилъ, а по врученіи скипетра посадилъ его на Царскомъ мѣстѣ. Сверхъ того, во время Божественной Литургіи, послѣ Херувимской пѣсни, Первосвятитель возложилъ на Царя золотую цѣпь, присланную Греческимъ Императоромъ Константиномъ Мономахомъ, вмѣстѣ съ другими Царскими знаками [2]. Державы въ этомъ обрядѣ вѣнчанія на царство еще не видимъ, можетъ быть потому, что она, не бывъ употребляема въ извѣстныхъ намъ по описаніямъ обрядахъ вѣнчанія Греческихъ Императоровъ, не была упомянута въ присланной отъ Патріарха книгѣ

---

[1] См. Опись Царскаго Архива, 1575 — 1584 г., въ Акт. Арх. Экспед. т. I. № 289: «Ящикъ 188-й, а въ немъ грамоты Патріарха Греческаго Іоасафа на царство Царю и В. Князю Ивану, да тетрать поставленія Царского»..., и проч. Курбскій, говоря о принесенномъ Θеодоритомъ отъ Константинопольскаго Патріарха благословеніи Царскаго вѣнчанія, присовокупляетъ: «а потомъ и книгу вскорѣ Царскаго Величества вѣнчанія всю Патріархъ прислалъ къ нему со своими послы до Москвы.» См. Сказанія Князя Курбскаго, изд. Н. Устряловымъ. Спб. 1833. Ч. I. стр. 183.

[2] См. чинъ вѣнчанія на Всеросс. царство Государя Царя Θеодора Іоанновича, 1584 Іюня 30; въ Собр. госуд. грам. и догов. т. II. N 51.

Царскаго поставленія. Между тѣмъ, она является уже въ числѣ другихъ Царственныхъ знаковъ, употребляемыхъ этимъ Государемъ при торжественныхъ пріемахъ иноземныхъ пословъ [1]. Въ обрядъ Царскаго вѣнчанія держава введена въ первое слѣдующее за тѣмъ царствованіе, подъ названіемъ яблока, которое вѣнчаемый Царь принялъ отъ Патріарха въ лѣвую руку, взявъ предъ тѣмъ въ правую скипетръ [2]. Въ первой половинѣ XVII столѣтія, образовавшійся такимъ порядкомъ обрядъ Царскаго вѣнчанія и мvропомазанія совершался безъ всякихъ прибавленій и измѣненій [3]. Во второй половинѣ этого

---

[1] Въ самый первый годъ своего царствованія Ц. Өеодоръ Іоанновичь, принимая Польскаго Посла, Сапѣгу, «сидѣлъ въ столовой избѣ, въ Царскомъ платьѣ, съ скифетромъ и съ Царскимъ яблокомъ»; а въ послѣдній годъ, при пріемѣ Авраама Бургграфа, посла Императора Рудольфа, Царь «сидѣлъ въ своемъ Царскомъ мѣстѣ, въ большомъ Царскомъ платьѣ, и въ діадимѣ, съ скифетромъ»;.... «а у Государя».... «стоялъ».... «Борисъ Өедоровичь Годуновъ, держалъ Царского чину яблоко золотое.» См. Памятники дипломатич. сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. II. столб. 485 и 556. Ср. выписку изъ дѣлъ Польскихъ, въ Ист. Госуд. Росс., Карамзина, т. X. примѣч. 58.

[2] См. чинъ вѣнчанія на царство Ц. Бориса Өеодоровича, 1598, Сент. 3; въ Дополн. къ Акт. Историч. т. 1. N 145. Въ позднѣйшихъ чинахъ вѣнчанія на царство, для означенія державы употребляются выраженія: яблоко Царскаго чина, яблоко владомое, яблоко державное, или, самодержавное, а въ старыхъ описяхъ Большой Царской Казны: яблоко великодержавное. Названіе «державы» употреблено въ первый разъ въ чинѣ вѣнчанія Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей 1682 Іюня 25,—хотя уже въ описи Большой Казны Ц. Михаила Өеодоревича, составленной въ 1642 г., значеніе этого яблока выражено словами: Держава Россійскаго Царствія. Позже, въ описаніи коронаціи И. Екатерины Алексѣевны, 1724 Мая 7, употреблено выраженіе: державный глобусъ. Ср. приведенные въ слѣдующемъ примѣчаніи чины Царскихъ вѣнчаній; и Древности Росс. госуд. Отд. II. стр. 31 и 32.

[3] См. чины вѣнчанія Царей: Михаила Өеодоровича, 1613, Іюля 11, въ Собр. госуд. грам. и догов. т. II. N 16; Алексѣя Михаиловича, 1645, Сент. 28,

столѣтія, предъ вѣнчаніемъ Царя Ѳеодора Алексѣевича, Патріархъ Іоакимъ, непосредственно послѣ Царской рѣчи, которою тогда обыкновенно начиналось это священнодѣйствіе, и прежде своей отвѣтной на нее рѣчи, предложилъ Царю вопросъ: «Великій Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичь! Како вѣруеши и исповѣдуеши Отца и Сына и Святаго Духа?» Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Царь произнесъ символъ Православной Вѣры. Прежде другихъ Царскихъ знаковъ, на этого Царя возложена была поданная Патріархомъ особая «Царская одежда» или «новое Царское платье», въ замѣнъ того верхняго одѣянія, въ которомъ Царь шествовалъ изъ своихъ чертоговъ въ Грановитую палату, а оттуда въ Соборную Церковь Успенія Пресвятыя Богородицы [1]. По совершеніи мѵропомазанія,

---

Ѳеодора Алексѣевича, 1676 Іюня 16, Іоанна и Петра Алексѣевичей; — въ Древн. Росс. Вивліоѳ. т. VII. стат. V. VI. VIII.

[1] Въ выходахъ Государей Царей и В. Князей, на с. 622:.... «и пришедъ въ Соборную Церковь» ....«взошелъ на свое Государево уготованное мѣсто».... «и ему Великому Государю подалъ святѣйшій Іоакимъ, Патріархъ Московскій и всея Русіи, его Государево новое Царское платно, бархатъ двоеморхъ по рудожелтой землѣ по травамъ низано жемчугомъ въ одно зерно, круживо нашито низано жемчугомъ съ запаны золотыми съ каменьи, съ алмазы и съ яхонты и съ изумруды.» Верхнее одѣяніе, въ которомъ Государь пришелъ въ Церковь описанъ такъ: «опошень, объярь по серебреной землѣ травы золоты оксамичены, нашивка и круживо низано жемчюгомъ въ одно зерно, пуговицы изумрудныя.» Очевидно, Царское платно замѣняло и въ этомъ обрядѣ вѣнчанія, и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ тѣхъ временъ, Царскую порфиру,—хотя и по формѣ своей, равно какъ по цвѣту, отличалось отъ позже вошедшей у насъ въ употребленіе порфиры, или Императорской мантіи, имѣя одинаковую длину какъ напереди, такъ и позади корпуса, рукава, не очень долгіе, но весьма широкіе, и полы, запахивающіяся одна на другую, подобно инымъ тогдашнимъ верхнимъ одеждамъ. По этому трудно повѣрить разсказу Горсея, въ Coronation of Theodor Iwanowicz, будто бы Царь Ѳеодоръ Іоанновичь, во время своего вѣнчанія на царство, имѣлъ на себѣ Царскую мантію, которой шлейфъ держали

для причащенія Св. Таинъ, Царь введенъ былъ во Св. алтарь Царскими дверьми, и приобщенъ по образу священнослужителей;[1] чего въ прежнихъ чинахъ вѣнчанія на царство не видно. Какъ особенность вѣнчанія Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, можно замѣтить, что поелику оно должно было совершиться надъ обоими Царями въ одно время, для младшаго изъ Царственныхъ Братьевъ потребовалось изготовить особые Царскіе знаки и принадлежности вѣнчанія на царство, которые и были устроены по образцу прежнихъ, дотолѣ постоянно употреблявшихся для этой цѣли.

Между тѣмъ, съ этого времени нѣкоторые изъ древнѣйшихъ знаковъ Царскаго достоинства перестали быть употребляемы, какъ непосредственныя орудія торжественнаго облеченія нашихъ Государей символами Верховной Власти. Поводъ къ этому заключался въ тѣхъ чрезвычайныхъ событіяхъ, которыми ознаменовалось царствованіе Петра Великаго. Безпримѣрными въ исторіи государствъ подвигами, простиравшимися на всѣ сферы правительственной дѣятельности, во время своего довольно продолжительнаго, хотя для блага нашего Отечества еще слишкомъ рано пресѣкшагося царствованія, безсмертный Преобразователь Россіи возвелъ ее на такую степень величія и славы, что она, совершенно затемнивъ собою

шесть Князей. Впрочемъ, платно, вопреки замѣчанію Катаева, на стр. 83 привед. выше сочиненія его, различалось отъ кафтана по своей формѣ, тѣмъ что не имѣло стана, и потому было свободнѣе въ ношеніи и могло казаться великолѣпнѣе. Ср. Древности Росс. госуд. Отдѣл. II. стр. 91, и рисунки N 48 — 50. Въ изображенномъ на этихъ рисункахъ платнѣ Ц. Алексѣя Михаиловича, въ числѣ другихъ «травъ» находятся короны; что указываетъ на особое приготовленіе бархатныхъ и другихъ, самыхъ дорогихъ матерій, предназначавшихся для одеждъ этого рода. Ср. Древн. Росс. госуд. Отд. II. с. 97.

[1] См. Древн. Росс. Вивліоѳ. т. VII. стр. 360.

одну изъ Европейскихъ державъ, дотолѣ считавшуюся въ числѣ первостепенныхъ, и превзошедши большую часть другихъ своимъ могуществомъ, имѣла полное право, не уступать первенства даже той державѣ, за которою оно долго было упрочено почти всеобщимъ согласіемъ и обычаемъ, утвердившимся въ теченіи нѣсколькихъ предъидущихъ столѣтій,—хотя оно и прежде было иногда оспориваемо у нея нѣкоторыми государствами, далеко не равнявшимися съ Россіею въ тогдашнемъ ея положеніи. Сознаніе этого вновь пріобрѣтеннаго, возвышеннаго положенія и чувство благоговѣйной признательности къ единственному его Виновнику, заставило преобразованную имъ Россію, въ лицѣ членовъ высшихъ правительственныхъ установленій, поднести ему, вмѣстѣ съ другими прекраснѣйшими и наиболѣе лестными для Государей титулами: Великаго и Отца Отечества, титулъ Императора Всероссійскаго. Петръ Великій самымъ принятіемъ этого титула выразилъ, что онъ считаетъ возсозданное имъ для новой политической жизни и гражданской дѣятельности государство достойнымъ занять мѣсто наравнѣ съ первою Европейскою державою того времени. И какъ въ древней Россіи, полное возстановленіе Единовластія и Самодержавія ознаменовалось вѣнцемъ Царскимъ, которымъ съ того времени вѣнчались ея Государи: такъ теперь, когда обновленная Россія взошла на степень первѣйшихъ Державъ Христіанскаго міра, новая, Императорская корона должна была сдѣлаться многознаменательнымъ символомъ дальнѣйшей блистательной судьбы ея. Вскорѣ представился и случай къ употребленію Императорской короны на самомъ дѣлѣ. Чрезъ два года послѣ принятія Императорскаго титула, Петръ Великій, желая вознаградить свою Супругу за дѣятельное соучастіе въ совершенныхъ имъ тяжкихъ подвигахъ и въ предстоявшихъ ему чрезвычайныхъ опасностяхъ, явившее въ ней великую помощницу въ исполненіи предначертаній его ко благу Россіи, изданнымъ во

всеобщее извѣстіе манифестомъ объявилъ принятое имъ намѣреніе, отличить свою Царственную Сотрудницу такою почестію, которая дотолѣ не была удѣломъ ни одной изъ супругъ нашихъ Православныхъ Царей.[1] Правда, и онѣ, въ дни вѣнчанія Супруговъ ихъ на царство, и въ дни вступленія своего въ брачный съ ними союзъ, и при другихъ торжественныхъ случаяхъ, являлись очамъ народа въ великолѣпной Царской одеждѣ и съ золотымъ вѣнцемъ на головѣ, которые ослѣпляли и вмѣстѣ привлекали взоръ блескомъ драгоцѣнныхъ камней и нѣжными переливами самыхъ отборныхъ восточныхъ перловъ.[2] Но тогда не было совершаемо ни торжественнаго облеченія въ Царскія одежды и возложенія Царскаго вѣнца, съ молитвами и благословеніемъ Церковнымъ, ни таинственнаго мѵропомазанія. Между тѣмъ, и Греческіе Императоры, и по примѣру ихъ, Западные Европейскіе Государи частію пріобщали своихъ супругъ къ собственному коронованію, частію же совершали надъ ними этотъ обрядъ особо, когда вступали въ бракъ послѣ своего коронованія. Основываясь на этихъ примѣрахъ, которыхъ, нѣсколько поименовано въ приведенномъ нами манифестѣ, И. Петръ Великій, въ особомъ торжественномъ обрядѣ, совершенномъ 7 Мая 1724 года, при посредствѣ первѣйшихъ тогдашнихъ Архіереевъ и Духовныхъ властей, съ приличнымъ молитвословіемъ, заимствованнымъ изъ чиновъ прежняго Царскаго вѣнчанія, возложилъ на первую Всероссійскую Императрицу, Екатерину Алексѣевну, вновь изготовленную Императорскую мантію и Императорскую корону, со врученіемъ ей притомъ державнаго глобуса, между тѣмъ какъ

---

[1] 1723 Ноября 15. Полн. Собр. Закон. Росс. Имперіи, т. VII. № 4336.

[2] Это можно видѣть, на прим, въ описаніи бракосочетанія Царя Михаила Ѳеодоровича съ Евдокіею Лукьяновною Стрѣшневою. См. Дворц. Разряды. Спб. 1850, Т. I. столб. 767.

Императорскій скипетръ, во время совершенія этого обряда, находился въ рукѣ самаго Императора. На Божественной Литургіи, слѣдовавшей за окончаніемъ обряда коронованія, въ установленное время, нововѣнчанная Императрица помазана Св. мνромъ и пріобщена Св. Таинъ. Это, невиданное дотолѣ въ нашемъ Отечествѣ, теперь въ первый разъ надъ Царственною Особою женскаго пола совершившееся, торжественное дѣйствіе, оказалось въ послѣдствіи времени заключающимъ въ себѣ важное предзнаменованіе. Еще прежде того за нѣсколько лѣтъ, попечительный о будущей судьбѣ своего государства Монархъ предоставилъ своему особому усмотрѣнію назначеніе Преемника своей Верховной Власти и соединенныхъ съ нею заботъ объ упроченіи введеннаго имъ новаго устройства и порядка государственнаго управленія. Но какъ смерть, пресѣкшая безцѣнные для Россіи дни этого величайшаго изъ Государей неожиданно, въ возрастѣ полнаго мужества, бодрости духа и крѣпости тѣлесной, воспрепятствовала ему выразить ясно послѣднюю волю свою относительно престолонаслѣдія: то кормило верховнаго правленія государствомъ, какъ бы само собою, перешло въ руки Государыни, не только бывшей Сотрудницею въ немъ своего Супруга, но и не задолго предъ тѣмъ коронованной и принявшей въ свою десницу державный глобусъ,—символъ владычества надъ земнымъ царствомъ. Такимъ образомъ, вѣнчанная Петромъ В. Супруга его начала собою рядъ Императрицъ, которыя правили государствомъ, съ небольшими перерывами, почти во все дальнѣйшее продолженіе прошедшаго столѣтія. Между тѣмъ, мужеская отрасль Петрова корня, возрасла въ твердое и величественное Родословное Древо, начавшее благотворно осѣнять своими обширными и многочисленными вѣтвями неизмѣримое Русское государство со времени воцаренія Императора Павла I, какъ Родоначальника всѣхъ поколѣній Всероссійскаго Императорскаго Дома, не только въ настоящее время, но и въ отдаленнѣйшей будущности призываемыхъ къ преемству престола

въ опредѣленномъ порядкѣ, который, послѣ предшествовавшихъ колебаній, однажды навсегда твердо и неизмѣнно установленъ актомъ этого Государя, заблаговременно составленнымъ по соглашенію съ Супругою его, Государынею Маріею Ѳеодоровною, и торжественно утвержденнымъ въ день единовременнаго ихъ коронованія, 5 Апрѣля 1797 года.[1] Для коронованія Императора Павла I, сдѣлана была вновь большая Императорская корона, неоцѣнимая по рѣдкости, величинѣ и красотѣ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней ее покрывающихъ; для Императрицы, корованной, по соизволенію этого Государя, совокупно съ нимъ, — другая меньшая, отличающаяся изяществомъ формы и превосходствомъ работы. Особенность, относившаяся собственно къ коронованію Императора Павла I была та, что прежде всѣхъ Царственныхъ знаковъ, на него возложенъ былъ далматикъ, именно предъ самымъ возложеніемъ Императорской мантіи или порфиры, за которымъ обыкновенно слѣдуетъ возложеніе самими Императорами на свою голову короны, и принятіе въ правую руку скипетра, а въ лѣвую державы.

Сверхъ того, внѣшнее великолѣпіе Императорскихъ коронованій вообще увеличилось присоединеніемъ къ прежде употреблявшимся знакамъ Царскаго достоинства нѣкоторыхъ новыхъ предметовъ въ качествѣ государственныхъ регалій; каковы наприм.: государственное знамя, государственный мечь и под., предносимыя шествующему изъ своихъ чертоговъ въ соборный храмъ Императору; а также употребленіемъ балдахина, несомаго надъ Императоромъ и Императрицею во время ихъ шествія, громомъ военныхъ орудій, присоединяющимся къ колокольному звону, издревле употребительному, и другими подобными принадлежностями.

---

[1] См. Полн. Собр. Зак. т. XXIV. № 17,910, Ср. Свода Зак. 1842, т. I. Закон. Основн. ст. 3—17.

Самый составъ священнодѣйствія сопровождающаго торжественное облеченіе знаками Верховной власти, увеличенъ и усовершенъ въ Императорскихъ коронованіяхъ новымъ молитвословіемъ, чтеніями и пѣснопѣніемъ.

Таинственное мvропомазаніе совершается въ тоже время и тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ древнихъ чинахъ Царскаго вѣнчанія. За нимъ непосредственно слѣдуетъ пріобщеніе Св. Таинъ, для котораго Императоръ вводится въ алтарь, и которое совершается по образу Священнослужителей; какъ то, равномѣрно, наблюдалось уже въ двухъ послѣднихъ Царскихъ вѣнчаніяхъ. Императрица, если она коронуется вмѣстѣ съ Императоромъ, помазывается св. мvромъ непосредственно послѣ Императора, и также послѣ него, пріобщается Св. Таинъ внѣ алтаря, по общему правилу.

Обрядъ священнаго коронованія и мvропомазанія нашихъ Государей, есть таинственное Священнодѣйствіе, въ которомъ Св. Церковь удостовѣряетъ своимъ непреложнымъ свидѣтельствомъ, что Монархъ, призванный къ преемству престола въ установленномъ Основными Государственными Законами порядкѣ, по силѣ самаго рожденія своего, пріемлетъ независимую отъ произвола народныхъ избраній, Верховную власть свою непосредственно отъ Вышняго, владѣющаго царствами человѣческими (Дан. IV. 29), и Единаго, дающаго своимъ Избранникамъ Царскіе вѣнцы, и утверждающаго въ рукахъ ихъ скипетръ и державу; и что при видимомъ возложеніи Императоромъ короны на свою главу, самъ Богъ, Царь славы, невидимо вѣнчаетъ въ немъ Главу своего народа. За тѣмъ, совершая надъ Вѣнценосцемъ таинственное мvропомазаніе, Св. Церковь, съ одной стороны, укрѣпляетъ духовныя и тѣлесныя силы его на высочайшій и вмѣстѣ труднѣйшій изъ всѣхъ земныхъ подвиговъ, — подвигъ Верховнаго управленія государствомъ; а съ другой стороны, утверж-

даетъ неприкосновенность Помазанника Божія и ограждаетъ Верховную власть, во всѣхъ правительственныхъ ея дѣйствіяхъ, отъ вліянія какой бы то ни было другой человѣческой власти и силы. (Псал. CIV. 15). Освящая такимъ образомъ Особу Царскую, Св. Церковь является какъ бы живымъ и дѣятельнымъ орудіемъ, посредствомъ котораго самъ Небесный Царь возноситъ земнаго Царя на высочайшую степень возможной для человѣка высоты, недосягаемую ни для кого изъ подданныхъ, и всѣмъ имъ равно, безъ различія высшихъ и нисшихъ сословій, внушающую благоговѣйное къ нему уваженіе. (Псал. LXXXVIII. 20, 21). Между тѣмъ, всѣ вѣрные подданные, призванные къ тому особымъ, предварительнымъ извѣщеніемъ о предстоящемъ священномъ короновании и мνропомазаніи Государя, поспѣшаютъ присоединить свои усердныя мольбы къ Его теплымъ молитвамъ: да изліется благодать Божія на Него и на Его Царство, и да укрѣпитъ силы Его на великое Царственное служеніе. Такимъ образомъ, все это таинственное священнодѣйствіе дѣлается знаменіемъ и залогомъ благости Божіей къ Царю и Царству, и вмѣстѣ печатію любви, соединяющей Царя съ своимъ народомъ, для счастія и благоденствія котораго жить и дѣйствовать, онъ вмѣняетъ себѣ въ священнѣйшую обязанность, и торжественно возлагаетъ на себя этотъ обѣтъ предъ лицемъ Бога и предъ цѣлымъ свѣтомъ. Такъ представляли себѣ важность и высокое значеніе священнаго коронованія и мνропомазанія наши Великіе Государи, сознавая то во глубинѣ своей души, и выражая ясными словами въ тѣхъ торжественныхъ актахъ, которыми они объявляли во всенародное извѣстіе о намѣреніи своемъ совершить это священнодѣйствіе, слѣдуя въ томъ примѣрамъ древнихъ Царей Израильскихъ, Православныхъ Греческихъ Императоровъ и своихъ благочестивыхъ Предковъ, Самодержцевъ Всероссійскихъ [1]. Между тѣмъ

[1] См. Высоч. Маниф. 17 Апрѣля 1856 года о священномъ короновании и мνропомазаніи Государя Императора Александра Николаевича.

какъ въ государствахъ Западной Европы, въ послѣднія времена, за оскудѣніемъ духа Вѣры, а вмѣстѣ съ нимъ и чувства преданности и повиновенія Государямъ со стороны народа, дерзнувшаго присвоять себѣ самое начало и основаніе ихъ власти, этотъ торжественный обрядъ облеченія царственными знаками началъ отчасти приходить въ забвеніе, или по крайней мѣрѣ выходить изъ постояннаго и непремѣннаго употребленія, — въ нашемъ Отечествѣ, съ самаго перваго Царскаго вѣнчанія, совершившагося слишкомъ за три столѣтія до настоящаго времени, рядъ сперва Царскихъ вѣнчаній, а потомъ Императорскихъ коронованій, продолжался непрерывно, повторяясь въ началѣ каждаго царствованія, въ первопрестольномъ городѣ, въ древнемъ соборномъ храмѣ его.

Возлюбленный нашъ Монархъ, принявъ въ Свои державныя руки кормило государственнаго правленія положилъ въ сердцѣ Своемъ, «дотолѣ не приступать къ совершенію Коронованія, доколѣ не умолкнетъ громъ брани, потрясавшій предѣлы государства, и не престанетъ литься кровь доблестныхъ, Христолюбивыхъ воиновъ, ознаменовавшихъ себя, въ защитѣ Отечества, подвигами необыкновеннаго мужества и самоотверженія», — и только послѣ того, какъ благодатный миръ возвратилъ Россіи прежнее спокойствіе, Онъ вознамѣрился, по примѣру Благочестивыхъ Государей, Предковъ своихъ, возложить на Себя корону и принять св. мѵропомазаніе, приобщивъ къ этому священному дѣйствію и Царственную Супругу Свою, Государыню Императрицу Марію Александровну. [1]

Ср. подобные манифесты Императоровъ: Николая I, 21 Апрѣля 1826; Александра I, 20 Мая 1801; Павла I, 18 Декабря 1796; и другіе, изданные въ прошедшемъ столѣтіи, при началѣ каждаго царствованія.

[1] См. приведенный Высоч. Манифестъ 17 Апрѣля 1856 года.

Православный народъ Русскій всегда отъ всей полноты души сочувствовалъ всякой радости и горести своихъ Самодержавныхъ Государей и другихъ Членовъ Царствующаго Дома, будучи твердо убѣжденъ, что Самодержавіе нераздѣльно съ его благоденствіемъ, съ твердостію и могуществомъ неизмѣримаго по своей обширности Русскаго Царства. Если сознаніе всѣхъ благогодѣяній, постоянно изливаемыхъ нашими Самодержцами на любезную имъ Россію, не можетъ не наполнять нашихъ сердецъ чувствомъ радости при всякомъ счастливомъ и благопріятномъ событіи въ нашемъ Императорскомъ Домѣ: то нынѣ совершившееся, уже само по себѣ всерадостное и восхитительное, торжество заставляетъ насъ взирать на нашего Монарха тѣмъ съ бо́льшимъ восторгомъ, благоговѣніемъ и умиленіемъ, что, прежде чѣмъ Онъ торжественно возложилъ на себя величественный и блистательный Императорскій вѣнецъ, нѣжное сердце его понесло много заботъ и горести — при каждомъ извѣстіи о пролитой крови храбрыхъ сыновъ его для защиты Отечества. Такъ Небо ниспосылаетъ иногда Своимъ Избранникамъ особенныя испытанія, чтобы сдѣлать ихъ тѣмъ искуснѣе въ исполненіи предлежащихъ имъ обязанностей и тѣмъ достойнѣе своихъ милостей. Замѣчательно, что умиротвореніе Отечества, было первою заботою, и славнаго Героя древней Россіи, Святаго Александра Невскаго, и Александра Благословеннаго. Да послужатъ имена этихъ Государей благопріятными знаменіями для освященнаго нынѣ торжественно царствованія Монарха, уподобляющагося имъ не однимъ именемъ, но и качествами Царственной благости, кротости, вниманія къ положенію и потребностямъ своихъ подданныхъ, предусмотрительной заботливости о настоящемъ спокойствіи и о будущемъ преспѣяніи государства. Съ благоговѣйною покорностію предавая будущую судьбу нашего Отечества и Верховнаго его Правителя въ волю Небеснаго Промысла, мы ни чѣмъ лучше не можемъ заслужить и привлечь къ себѣ благость и милость Божію,

какъ соединенными усиліями къ осуществленію на самомъ дѣлѣ благихъ намѣреній и желаній, изреченныхъ Монархомъ при всенародномъ извѣщеніи мира, успокоившаго Россію: «да утверждается и совершенствуется внутреннее ея благоустройство; правда и «милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду «и съ новою силою, стремленіе къ просвѣщенію и всякой полез«ной дѣятельности; да наслаждается каждый, въ мирѣ, подъ сѣ«нію законовъ, плодами невинныхъ трудовъ своихъ; и свѣтъ спа«сительной Вѣры, озаряя умы и укрѣпляя сердца, да сохраняетъ «и улучшаетъ общественную нравственность, — вѣрнѣйшій залогъ «порядка и счастія». [1]

Къ Тебѣ, о Кроткій и Благодушный Монархъ, изрекшій съ высоты Престола эти священныя слова, дышущія любовію къ подданнымъ, обращаются сердца и взоры множества народовъ и племенъ, населяющихъ Твое неизмѣримое Царство; въ Твоихъ радостотворныхъ очахъ они хотятъ узрѣть свое счастіе и благоденствіе; на Тебя возлагаютъ они свои надежды и ожиданія правосуднаго и благотворнаго Царствованія; управляемые Твоимъ скипетромъ и охраняемые Твоею державою, обрѣтутъ они въ своей мирной дѣятельности удовлетвореніе потребностей не только обыкновенной внѣшней жизни, но и высшихъ, умственныхъ и нравственныхъ, исполненіе своихъ желаній, общее довольство и преуспѣяніе. Мы, чтители и истолкователи Правды Божеской и человѣческой, не можемъ къ этому всеобщему благожеланію присовокупить ничего другаго, кромѣ исходящей изъ глубины души молитвы ко Всевысочайшему Источнику и Подателю всѣхъ благъ: Боже! Судъ Твой Цареви даждь и Правду Твою Сыну Цареву. Да возсіяетъ во днехъ Его Правда и мно-

---

[1] См. Высочайшій Манифестъ, изд. 19 Марта 1856 года.

жество мира! Да насладится наше любезное **Отечество**, подъ кроткимъ и мудрымъ правленіемъ **Возлюбленнаго Монарха**, не прерывающимися до отдаленнѣйшей будущности днями мира и тишины, счастія и благосостоянія; да процвѣтаютъ въ немъ науки, искусства и всѣ роды дѣятельности, полезной и благодѣтельной для человѣчества; и дѣйствуя такимъ образомъ, да удостоимся всѣ мы нѣкогда быть допущены къ участію въ царствѣ вѣчной славы Божіей, гдѣ и Верховный Руководитель нашъ къ этой высочайшей цѣли стремленія всѣхъ Царей и народовъ, — къ нескончаемому царству праведныхъ, — положивъ свой временный, земной вѣнецъ предъ Престоломъ Царя Царей, владычествующаго надъ всѣмъ міромъ, пріиметъ въ замѣнъ его неувядающій вѣнецъ славы![1]

---

[2] Псал. LXXI. 1, 7. 1 Коринө. IX. 25. 1 Петр. V. 4. Апок. IV. 10 V. 10. XI. 15.

